

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

Древние
цивилизации,
угаснув, продолжают
подавать нам знаки
своего присутствия.

Но кто разгадает
смысл их сигналов?..

Юлия АЛЕЙНИКОВА

Кровавый след бога майя

Артефакт & Детектив

Юлия Алейникова

Кровавый след бога мая

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Алейникова Ю. В.

Кровавый след бога майя / Ю. В. Алейникова — «Эксмо»,
2017 — (Артефакт & Детектив)

ISBN 978-5-699-98785-6

Трагическое происшествие на пригородной петербургской платформе – под колесами электрички погибает сын популярного советского композитора. Расследование, которое будет проходить в Доме творчества, подтвердит всем известную истину: в искусстве плетения интриг люди художественных профессий способны превзойти самых изобретательных преступников. Но дело не только в тщеславии завистников. Несчастный случай в курортном Репине подозрительно похож на череду несчастий, произошедших почти сто лет назад в джунглях Центральной Америки. Именно там родоначальник композиторской династии продал душу божеству, которое вознесет и погубит его потомков...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-98785-6

© Алейникова Ю. В., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	28
Глава 6	33
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Юлия Алейникова

Кровавый след бога майя

Глава 1

Санкт-Петербург, 2016 год

– Да, не повезло мужику. – Никита Стрешнев осмотрел лежащее на рельсах тело.

Мужику действительно не повезло. От него остались только ноги и кусок ниже поясицы.

Платформу поселка Репино заливало июльское солнце. Густой аромат сосновой смолы смешивался с запахами залива, скошенной травы и жареной рыбы. Никита щурился от нежаркого утреннего солнца, неуместно улыбался и думал, как здорово будет после осмотра места происшествия окунуться разок-другой.

Тело около пяти утра обнаружил первый пассажир. Молодец, не грохнулся в обморок и быстро сообщил куда надо. Движение электричек перекрыли, и теперь пассажиры и просто любопытные толпились возле платформы и гудели, как пчелы в улье.

– Не знаете, полиция уже выяснила личность убитого?

– Откуда же, голубушка? Вон они стоят, у них и спросите.

Личность убитого пока не выяснили. В карманах брюк не было ни документов, ни личных вещей. Телефон, судя по деталям, в момент смерти погибший держал в руке. Единственной зацепкой оказался ключ – довольно простой, с бирочкой, на которой от руки был выведен номер шестнадцать. Такие обычно выдают в гостиницах и пансионатах.

– Никита, – окликнул его капитан Мирошкин. – Обойди местные отели и пансионаты, выясни, чей ключ, и на всякий случай составь список отдыхающих в шестнадцатых номерах. И не тяни.

– Игорь Сергеевич, да здесь работы на неделю! Это ж Репино – на каждом шагу то пансионат, то отель, то мотель. А может, он вообще не из Репина, а из Комарова.

– Да, и вот еще что. – Капитан его как будто не расслышал. – Сфотографируй уцелевшую часть тела – пригодится. Кроссовки крупным планом возьми: модель не типичная, может, по ней кто опознает. И начинай с пансионатов попроще. Ключик, сам видишь, явно не из дорогого отеля.

– У нас не номера, у нас коттеджи, – добродушно улыбнулась администраторша Дома творчества композиторов. – Шестнадцатый номер вон там, за кустами, ближе к забору.

– Ключ ваш? – Никита достал из кармана вещдок.

– На глаз трудно сказать. У нас везде разные замки, потому что ремонт делали в разное время. Можно сравнить с дубликатом. – Она кокетливо поправила рыжую челку.

– А кто остановился в шестнадцатом, не помните?

– Как не помнить. У нас здесь все свои, чужих почти не бывает. В шестнадцатом Барановский живет, Владислав Юрьевич.

– Он сейчас на месте, не знаете?

– Понятия не имею. Погода хорошая, может, на пляж ушел. Мы за постояльцами не следим. – Рыжая администраторша сходила в подсобку и вернулась, вертя в руках оба ключа. – Вроде похож. Хотите, сходим проверим, заодно узнаем, дома ли Барановский. Да, а почему вы его ищите, случилось что-нибудь? – сообразила она наконец.

– Ничего особенного. Просто нашелся ключ в одном месте, теперь нужно выяснить, кто обронил.

– Барановский мог где угодно обронить, он такой. Растяпа, одним словом.

Для порядка они постучали в дверь домика номер шестнадцать, но никто не отозвался. Она вставила ключ в замочную скважину, и он вошел без всяких усилий.

– Выходит, наш.

– Выходит, ваш, – согласился Никита. – Опишите, пожалуйста, вашего постояльца.

– Рост выше среднего, светловолосый, упитанный. Вообще у него вид законченного недо-тепы. Не мужик, а тряпка.

– А лет ему сколько?

– Около сорока с хвостиком. Нужно в журнале регистрации посмотреть.

– Скажите, это его ноги? – Никита открыл в смартфоне фотографии.

– Ноги? – Администраторша развеселилась, наверное, приняла вопрос за шутку. – Нет, ноги я вряд ли узнаю. Знаете, здесь его сестра отдыхает, лучше вам с ней поговорить. Отношения у них не очень, но брата она должна узнать.

Администраторша пошла разыскивать сестру погибшего, а Никита стал звонить начальству: похоже, с личностью убитого разобрались.

– Вы из полиции?

– Секунду. – Капитан Мирошкин обернулся на голос, сделал знак, призывающий подождать, и продолжил в трубку: – Стрешнев, двигай на пляж и опроси там народ, когда последний раз видели Барановского. На территории я сам пока. Слушаю вас. – Он поднял глаза на даму, задававшую вопрос.

– Я знаю, кто это, – спокойно проговорила она.

Перед Мирошкиным стояла особа неопределенного возраста, неопрятно одетая, некрасивая, в немодных очках с толстыми линзами.

– Представьтесь, пожалуйста.

– Агнесса Юрьевна Барановская. Владислав – мой брат по отцу. – Из-за толстых линз на капитана смотрели невыразительные глаза. Косметикой Барановская не пользовалась, расческой, кажется, тоже. Серо-седые похожие на спутанную проволоку волосы лежали на голове комом.

– Ваш единокровный брат, я правильно понимаю? Как вы узнали его на фото?

– Видела его вчера вечером в этих самых кроссовках и брюках. Он в них ходил, кажется, все время. Кроссовки у него старые, брюки тоже, вряд ли у кого-то в окрестностях имеется такой же комплект. – В устах Барановской, облаченной в бесформенный балахон бурого цвета, модная критика звучала несколько неуместно. Может, это пренебрежение внешним видом у них фамильное?

Капитан Мирошкин изучающе уставился на нее. Он вообще с недоверием относился к людям творческих профессий, а к этой неряшливой мадам испытывал откровенную антипатию.

– Значит, последний раз вы видели брата вчера?

– Знаете, я не помню, когда точно это было – вчера или позавчера.

– Неужели так трудно вспомнить? Вы же ходите завтракать и обедать в столовую. Если не на территории, то хотя бы там вы должны были столкнуться.

– Знаете, мне некогда смотреть по сторонам, я работаю над книгой. Хотя вы вряд ли понимаете, какой сосредоточенности это требует. Здесь не санаторий, как вы могли подумать, сюда приезжают не только отдыхать, но и работать. Как ни удивительно, некоторым это удается. – Она с неудовольствием проводила взглядом двух пожилых дам, которые кружили по аллее, явно сгорая от любопытства. – Я по территории не слоняюсь, а во время завтрака по сторонам не глазею.

– Хорошо, допустим. – Мирошкин решил пока не злить свидетельницу. – Расскажите, пожалуйста, о вашем брате. Кто он, чем занимается, когда приехал в Дом творчества и так далее. – Он кивнул на ближайшую лавочку под соснами. – Давайте присядем?

– Не стоит. Мой рассказ много времени не займет. Барановский Владислав Юрьевич, сорок шесть лет. Не женат, детей нет. Живет один. Мать с третьим мужем десять лет назад уехала на ПМЖ в Израиль. Работает в консерватории, доцент кафедры оркестровки и общего курса композиции. Он сын моего отца от второго брака. По этой причине, как вы понимаете, особенно близки мы не были. Встречались на кладбище в день рождения отца и в день памяти. Иногда в консерватории и еще здесь. Общением назвать это нельзя – просто раскланивались.

– Вам неизвестно, что он делал вчера вечером на станции?

– Откуда мне знать?

– Когда он ушел из Дома творчества, вы тоже не знаете? – Барановская молча кивнула. – У покойного были друзья, женщины, другие родственники?

– Женщин он всю жизнь сторонился, друзей, насколько мне известно, нет. Из близких родственников только мать.

– А из дальних?

Агнесса нахмурилась.

– Я. Еще дядя Леня. Вообще-то он приходится нам с Владиславом двоюродным братом, но разница в возрасте большая, и мы называем его дядей. Еще Ленины жена и дочь. Родственников со стороны матери у Владислава нет. Хотя здесь я могу ошибаться.

Что ж, если все сказанное этой неприятной особой подтвердится, дело можно будет не открывать. Пока все указывает на несчастный случай. Капитан Мирошкин несколько повеселел и двинулся на поиски своей команды.

Весть о гибели одного из отдыхающих уже разлетелась по Дому творчества, и композиторы, точнее, члены их семей теперь толпились на центральной аллее и бросали взволнованные взгляды в сторону капитана с Агнессой.

– Такой милый, интеллигентный человек – и такая участь.

– Да-да, ужасный конец. Хорошо хоть детей сиротами не оставил.

– Действительно, он же совершенно один жил. Интересно, кому достанется коллекция? Это же огромная ценность!

– Коллекция? – Капитан притормозил и обернулся к пожилому господину в гавайке и светлых брюках.

– Именно. Эту коллекцию еще дед Владислава Юрьевича собирал. Там есть подлинные шедевры, поверьте мне. – Пожилой господин явно был рад возможности продемонстрировать свою осведомленность. – Конечно, я давно ее не видел, но не думаю, чтобы Владислав Юрьевич решился что-то продать. Он очень дорожил семейными реликвиями.

– Простите, а как давно вы знакомы с покойным? – Надежда на простое дело таяла на глазах. – Прошу прощения, я не представился. Капитан УВД Мирошкин Игорь Сергеевич.

– Очень приятно, Дмитрий Гаврилович Никонов, член Союза композиторов, заслуженный деятель искусств.

– Вы, Дмитрий Гаврилович, начали говорить о коллекции. – Капитан увлек свидетеля в сторонку.

– Да, это выдающееся собрание. Владислав Юрьевич унаследовал его от отца, а тот – от своего отца. Основной вклад, как мне кажется, внес именно Юрий Николаевич. Неужели не знаете? Маститый советский композитор, можно сказать, классик. Его песни пела вся страна. Как же, «Товарищ фронтовик, на тех дорогах»?.. Или вот: «Споем перед стартом, друзья-космонавты». А «Песня летит над полями, в небо поднимается она»? Не может быть, чтобы вы не помнили!

– Да, что-то такое было в детстве, – кивнул Мирошкин. – Значит, отец убитого был известным композитором и оставил ему коллекцию. И что за коллекция?

– Живопись. В основном работы русских художников, но есть, знаете ли, и европейские мастера. Помню восхитительный эскиз Мане, а еще Пикассо и Дали. В Советском Союзе многие и имен таких не знали. Да, Юрий Николаевич был тонким ценителем. У него и квартира больше напоминала музей, чем жилье.

– Я так понимаю, вы были хорошо знакомы с покойным? – Мирошкин незаметно подвел своего информатора к лавочке.

– Да что вы! Я был простым студентом, когда Барановский уже гремел на всю страну. Но да, впоследствии мне посчастливилось даже бывать у него.

– А его сын? Вы дружили? – не сдавался капитан.

– Видите ли, наш петербургский музыкальный мир не так уж велик, и Дом творчества – это Мекка, куда мы все стекаемся. Здесь росли наши дети, здесь творили, рождались шедевры! – Глаза заслуженного деятеля искусств светились восторгом. – Да, мы знакомы с Владиславом, как все здесь знакомы между собой. Но не более того. Все же разница в возрасте, и потом, Владислав Юрьевич всегда был довольно замкнут. Кстати, – встрепенулся Никонов, – здесь же сейчас его сестра, Агнесса Юрьевна. Побеседуйте с ней.

– Да, я слышал, она его единственная родственница. – Капитан решил изобразить простодушие.

– Не совсем. Есть еще Леонид Аркадьевич, племянник Юрия Барановского. Сын его сестры – Каргин-Барановский Леонид Аркадьевич. Но сейчас его здесь нет.

– Тоже композитор?

– Не совсем. Конечно, он что-то пишет. Но, скорее, он все же исполнитель, а еще точнее, администратор. Простите, сейчас это называется «продюсер». Он директорствует в нескольких музыкальных коллективах, и сам, насколько мне известно, уже не выступает.

Мирошкин поблагодарил и церемонно откланялся. «Мане, говорите? Пикассо?» – бормотал он, направляясь к следственной бригаде.

– Игорь Сергеевич, поехали? Тело увезли, криминалисты работу закончили. Гриша все что можно собрал. – Никита от нетерпения переминался у машины.

– Рано, – коротко бросил капитан. – Вот что: я сейчас еще раз побеседую с Барановской, а вы опросите персонал – кто приезжал к покойному в гости, с кем он общался и так далее.

– Войдите, – пригласил нелюбезный голос, и Мирошкин протиснулся в тесный коридор.

Пока было не очень ясно, какая манера лучше подойдет для разговора с Агнессой Барановской.

Дочь знаменитого композитора с таким необычным красивым именем должна была, на его взгляд, выглядеть иначе. Ладно, пусть не красавица, но это просто пугало какое-то.

– Что, не нравлюсь? – Барановская как будто читала его мысли. – Да, не Брижит Бардо. В моей жизни все как в сказке. В злой сказке. – Она криво усмехнулась и подняла голову от своих бумаг. – Отец был талантлив, мать красива, а я лицом пошла в отца, а талантами – в мамочку. Получилась уродливая бездарность.

От такой откровенности Мирошкин растерялся.

– Но все это давно не важно. – Барановская закурила. – Так что вы хотели?

Капитан откашлялся.

– Мне стало известно, что ваш брат был владельцем весьма ценной коллекции произведений искусства.

– В некотором роде.

– Не понял.

– После смерти отца коллекция действительно продолжала храниться в квартире, где жили Лариса с Владом. Лариса – это вторая жена отца, – с кислой миной пояснила Барановская. – Фактически коллекция принадлежит всей семье – мне, Владиславу и Леониду в равных долях. Так что да, Владу она тоже принадлежала. Одна из лучших частных коллекций в Петербурге. На момент гибели отца – одна из лучших в стране.

– Теперь, после смерти Владислава Юрьевича, его доля перейдет в вашу собственность?

– Вероятно. Или будет поделена между мною и Леней. Если, конечно, Влад не завещал ее какому-нибудь музею. – Барановская равнодушно выпустила дым. – Поймите, мне сорок девять лет. Большая и лучшая часть жизни позади. Перевезти картины в собственную квартиру и любоваться ими зимними вечерами – такая перспектива меня занимает мало.

– Кого еще интересовала ваша коллекция? Может быть, не вся, а отдельные работы?

– Понятия не имею. – Она пожала плечами.

– У кого-нибудь есть полная опись собрания?

– У нашего поверенного. Юридическая фирма «Кони и сыновья» вела дела нашей семьи с конца XIX века. В советское время она, понятно, так не называлась, но нашими делами занимались постоянные нотариусы, адвокаты, юрисконсульты. У отца был свой каталог, подозреваю, что Влад его бережно хранит. Кажется, у меня тоже был экземпляр – нужно поискать в городской квартире.

– Хорошо, к этому вопросу мы еще вернемся. – Мирошкин сделал пометку в блокноте. – Скажите, были ли у вашего брата недоброжелатели или завистники? Вы понимаете, к чему я веду.

– Да здесь за каждым кустом по завистнику и недоброжелателю! – зло усмехнулась Барановская. – Взгляните в окно. Видите этих милых старушек? Их мужья – заклятые враги. Сейчас они в городе бьются за место завкафедрой. Три года назад один завалил на экзамене внука своего оппонента за то, что тот напечатал разгромную статью о бездарных сочинениях первого. И так до бесконечности. Эта война длится десятилетия. Пока мужья в городе плетут интриги, их жены сидят здесь и не выпускают друг друга из поля зрения в надежде проникнуть в планы врага. Нет, внешне все благопристойно: никто никого не душит, не оскорбляет, все удивительно мило и вежливо. Проклятое двуличие! Видите того здоровяка с бородой? Вон тот, что курит недалеко от крыльца. Так вот, он не так давно вернулся из Европы – руководил там одним оркестром. Присмотритесь, как у него дрожат руки. Это результат общения с товарищами по цеху уже на родине. Продолжать или достаточно?

– Хотите сказать, что все вокруг потенциальные убийцы? – прищурился Мирошкин.

– На убийц, пожалуй, тянут не все. Но, – Барановская скривилась, – кто знает.

– А мотивы?

– Как у всех: жадность, зависть, любовь. Хотя, пардон, любовь здесь точно ни при чем. Влад был аскетом, романы не по его части.

– У него что, и девушки никогда не было? – Мирошкин не мог скрыть изумления.

– Насколько я знаю, нет. Но об этом вам лучше узнать у кого-нибудь другого. Как я уже сказала, мы не были близки.

– У кого же узнать?

– Понятия не имею, – равнодушно пожала плечами Агнесса Барановская.

Глава 2

– На теле никаких следов физического насилия обнаружить не удалось. – Криминалист Григорий Сергеев протянул Мирошкину папку с заключением. – На платформе тоже ничего – ни следов драки, ни других зацепок.

– Так, братцы-кролики, надо искать свидетелей. – Мирошкин выразительно глянул на своих бойцов. – Пройдитесь по поселку, по стойте на платформе – поспрашивайте, кто ехал в тот вечер в город последней электричкой. Машиниста надо найти – не верю, что он не почувствовал, что на рельсах что-то лежало. Может, что-то и видел, когда к платформе подъезжал. Илья, пускай Стрешнев ищет свидетелей, а ты начни с машиниста.

Теперь, когда рядовой состав занят делом, можно и поразмышлять. Мирошкин включил кофеварку и довольно крякнул. Капитан был сластеной. Этой слабости он стеснялся, считал ее женской, но побороть себя не мог. Сейчас он достал из шкафа коробку конфет и засунул в рот сразу три.

Телефонный звонок прервал его размышления.

– Игорь Сергеевич, к вам Каргин. Да слышу я, – куда-то в сторону сказал дежурный. – Каргин-Барановский.

– Запускай. – Капитан поспешил ликвидировать следы так и не начавшегося пиршества и потянулся за пиджаком. Если хочешь добиться от свидетеля или подозреваемого уважения, встречай его в застегнутом на все пуговицы пиджаке – этого правила Мирошкин придерживался все годы, что работал в правоохранительных органах.

– Разрешите? – Голос был бархатистым, оперным – такие встречаются не часто.

На пороге появился пожилой, но еще весьма бодрый джентльмен в светлых брюках, синем клубном пиджаке и дорогих итальянских ботинках.

– Вы позволите? Леонид Аркадьевич Каргин-Барановский. – Гость с любопытством огляделся. Ни тревоги, ни напряжения – вероятно, с таким же непринужденным видом он входил в фойе театра или в ресторанный зал.

Чувствовалось, что Каргин-Барановский любит выходить в свет.

– Прошу, присаживайтесь. – Капитан с интересом разглядывал вошедшего. Каргин-Барановский был бодр, подтянут – такой вполне мог столкнуть племянника с платформы, если у него, разумеется, имелся мотив. Это капитану Мирошкину и предстояло выяснить.

– Вы, конечно, догадываетесь, по какому поводу вас сюда пригласили?

– Разумеется! Смерть Влади. Очевидно, мне как старшему в семье придется взять на себя подготовку похорон. Консерватория, безусловно, поможет, хотя бы с гражданской панихидой, но основные хлопоты на мне. – Каргин печально кивнул. – Я еще не был в морге, но, судя по всему, хоронить придется в закрытом гробу? – Он вопросительно приподнял бровь. – Ужасная история. Хорошо, что у Ларисы здоровое сердце. Хоронить сына – большое испытание, а ее трудно назвать сильной женщиной.

– Вы хорошо ее знаете?

– Разумеется. После дядиной смерти я много помогал им с Владей. Конечно, не деньгами – они были обеспечены и могли безбедно жить многие годы. Но одинокая женщина с ребенком всегда нуждается в поддержке. Кого-то попросить, куда-то устроить, что-то достать. Да, сейчас это кажется дикостью, но лет сорок назад слово «достать» было понятно каждому.

– Правильно ли я понимаю, что вы были близки с покойным и часто у него бывали?

– Этого я бы не сказал. Владя в отличие от родителей в компаниях не нуждался. – Леонид Аркадьевич тряхнул седой шевелюрой. – Дядя Юра обожал гостей и был душой любого застолья. На моей памяти это был самый хлебосольный хозяин, а я, молодой человек, уж поверьте,

повидал многих. Дом всегда был открыт и при Наталье Романовне, это первая жена дяди Юры, и при Ларисе. А Владя совсем другой. Не имею представления, в кого он такой уродился.

– Значит, отношения с покойным у вас не складывались? – Капитан намеренно передергивал.

– Да что вы! Отношения были прекрасные, просто Владя жил затворником. Он даже женат никогда не был! Сомневаюсь, были ли у него вообще романы. – Дядя покойного произнес это с таким видом, как будто именно романы делают человека полноценным членом общества, из чего Мирошкин сделал вывод, что сам Каргин-Барановский точно ловелас.

– Вашему племяннику принадлежала часть ценной коллекции произведений искусства. Кому она достанется теперь?

– Видимо, родственникам. – Леонид Аркадьевич пожал плечами.

– Иначе говоря, вам? – Мирошкин посмотрел ему в глаза.

– Мне? – Слегка обвисшие, делающие его похожим на старого бульдога щеки Каргина нервно дрогнули. – Да нет, я же... Там Агнесса... – Кажется, только сейчас до него дошло, зачем его пригласили сюда. – Вы что же, меня подозреваете? – Голос, еще десять минут назад поражавший оперными раскатами, вдруг сел то ли от испуга, то ли от возмущения. Каргин помолчал немного, пытаясь справиться с волнением. – Я, молодой человек, на чужое имущество никогда не покушался, мне своего хватает. Часть коллекции, очевидно, перейдет в собственность единокровной сестры Владислава Юрьевича Агнессы, если, конечно, он не оставил особых распоряжений. Мне о них ничего не известно и оспаривать их, если они имеются, я не собираюсь. Наконец, у меня алиби на время убийства.

– А вы знаете, когда именно совершено убийство? – удивился капитан.

– Разумеется, как и все. Так вот, к вашему сведению, в ночь со среды на четверг я возвращался из Финляндии со струнным квинтетом. Мы выехали из Хельсинки поздно вечером, после концерта и всю ночь были в дороге. В микроавтобусе нас было семеро, нас досматривали на границе – все время я был на глазах у людей. В Петербурге мы были на рассвете, а расстались около восьми – нужно было заехать в филармонию и выгрузить оборудование. В это время, как я понимаю, Владя был уже давно мертв.

Крыть капитану было нечем: алиби у Каргина-Барановского действительно железное и проверить его ничего не стоит.

Итак, в наличии труп, ценная коллекция и родственники – основные претенденты на наследство, если, конечно, покойный не сделал на этот счет никаких распоряжений. Леонид Каргин-Барановский отбыл, оставив двойственное впечатление. Да, человек интеллигентный, располагающий, но какая-то мелочь не давала Мирошкину покоя. Что именно – он пока не разобрался, но такие разгадки приходят в голову сами, когда нужно, а сейчас стоит заняться поисками завещания покойного Барановского.

Следующий пункт – круг общения Владислава Барановского. Не может человек сорок лет прожить отшельником в большом городе, не бывает такого. Дальше – оценка коллекции. Квартиру они уже опечатали, Мирошкин лично присутствовал и видел шестикомнатные хоромы, от пола до потолка увешанные картинами. Статуэтки тоже имелись – несколько бюстов и греческая богиня, а еще старинные часы, шкатулки, да много всего. Собрание Барановских произвело на него сильное впечатление. Но вот сама квартира выглядела нежилой – какой-то пыльной, старомодной. Ни стереосистемы, ни плазменного экрана, компьютер и тот с трудом нашелся под ворохом бумаг. Комнаты были обставлены старинной мебелью, и это понятно, но на кухне обнаружился не старинный, а просто старый гарнитур, годов, наверное, шестидесятых.

Но по-хорошему с собранием Барановских нужно было что-то решать, и быстро. Коллекция имеет большую ценность, о ней известно многим – не дай бог что пропадет, не сносить

Мирошкину головы. Хотя сигнализация в квартире серьезная плюс монументальные двери, современные замки и глухие окна. Не квартира, а неприступная крепость.

– Что, орлы, каковы результаты? – откинувшись на спинку кресла, поинтересовался капитан.

– Никаких, – виновато глянул Никита. – Я весь поселок перетряс – никто ничего не видел.

– А машинист?

– Тоже ничего, – нахмурился Илья. – Да, подъезжая к платформе, он почувствовал, что что-то переехал. Но паники на платформе не было, никто не кричал, хотя парочка пассажиров, по его свидетельству, садилась в первый вагон. Он решил, что ничего серьезного, мало ли какую дрянь люди бросают на пути. Может, там пакет мусорный или собака дохлая, что же, из-за каждого пустяка экстренное торможение устраивать и из графика выбиваться? Словом, плевать он на все хотел.

– А у вас что, Игорь Сергеевич? – Никита уставился на него бесхитростным взглядом.

– Тоже ничего, – буркнул капитан. – Нотариус, у которого хранится завещание Барановского, он же семейный поверенный, как его называет Агнесса, в Штатах на какой-то конференции и вернется послезавтра. У Леонида Каргина-Барановского алиби. Пока не вернулся этот самый юрист, нужно двигать в Дом творчества и дальше работать с местной публикой. Мирок у них, как уже не раз отмечалось, маленький, и все тайное рано или поздно становится явным. Поеду сам, потрясу этих деятелей искусств. Опять же Агнесса Юрьевна, главная наследница семейных сокровищ, все еще в Репине. А вы бросьте все усилия на мир коллекционеров. Узнайте, с кем общался покойный Барановский. Может, кто-то из антикваров проявлял в последнее время к собранию горячий интерес. Действуйте, орлы. Давайте так: Стрешнев продолжает искать свидетелей, а Полуновский занимается искусством, ему это ближе.

– Это еще почему? – ревниво встрепенулся Никита.

– У него сестра искусствовед.

– Добрый день, Агнесса Юрьевна. – Капитан приблизился к лавочке в сиреневых зарослях. Он намеренно застал Барановскую врасплох. Уж слишком она была выдержанной и готовой к разговору в день их знакомства. Посмотрим, что будет на этот раз.

День выдался жарким. Очередной скучный, вопящий о радости жизни день. Такими они казались Агнессе со времен консерватории. Лето и весна радовали в детстве, а потом только острее заставляли почувствовать собственную неполноценность. Подружки бегали на свидания, целовались, им объяснялись в любви, у них случались трагедии на почве неразделенных чувств, они выходили замуж, по бульварам и проспектам гуляли парочки, а Агнесса бродила отвергнутая всеми, как прокаженная. Обида и горечь всегда охватывали ее в это время года. Нелюбовь к лету она сохранила со студенческих времен на всю жизнь.

Но сегодня настроение у нее было на редкость хорошим. Агнесса даже выползла посидеть на лавочке и сейчас с удовольствием нежилась в лучах ласкового северного солнца, щуря глаза и бездумно улыбаясь. Из полусонной неги ее вывел незнакомый голос. Агнесса открыла глаза и попыталась разглядеть нарушителя покоя.

– Капитан Мирошкин. Мы с вами на днях беседовали.

– Ах да. – Она недовольно вздохнула. – Чем обязана?

– Хотел поговорить о вашем покойном брате.

– Я все уже сказала. Мы почти не общались, подробности его жизни мне неизвестны.

– Насколько я понимаю, и вы, и покойный работали в консерватории? – Мирошкин решил не отступать.

– Да, но это ничего не значит.

– По вашему собственному утверждению, музыкальный мир тесен, все на виду, а тут единокровный брат. Ни за что не поверю, что до вас не доходили слухи о нем.

– Не верите? – Агнесса усмехнулась. – Тогда поспрашивайте людей. Влад был пустым местом, о нем просто нечего было сказать.

– Хорошо. Расскажите, пожалуйста, о вашей семье и о коллекции. – Капитан зашел с другого бока.

– Коллекцию собирал мой дед, профессор востоковедения, – без энтузиазма начала Агнесса. – Она формировалась с середины 1920-х годов до конца 1940-х. Когда у отца появилась возможность, разумеется, уже в зрелые годы, он пополнил ее несколькими ценными экспонатами. После его смерти коллекция перешла в нашу коллективную собственность – мою, Влада, Леонида и его матери.

– Это, простите, как? – наморщил лоб Мирошкин.

– Эта коллекция принадлежит не одному человеку, а всей семье. Мы могли распоряжаться ею и ее отдельными предметами только сообща. Продать, обменять, выставить – для всего требуется единогласное решение. Но хранится собрание целиком в доме деда, в квартире, где жил Владислав.

– Интересно. И как это происходило на практике?

– Да никак. Никто из нас не собирался ничего продавать из дедова собрания. Все мы хотели сохранить его в целости. Иногда мы выставляем отдельные предметы, но только в серьезных музеях и галереях и с гарантией абсолютной сохранности.

– Выходит, Владислав Юрьевич был в вашей семье кем-то вроде штатного хранителя?

– Можно сказать и так. Но это все не означает, что мы часто встречались или устраивали ревизии. У нас есть доверенное лицо, я уже говорила. Этот человек занимается делами коллекции: ее сохранностью, выставками, договорами со страховщиками и прочим.

– Вероятно, такие услуги недешево стоят? – Мирошкин как бы невзначай скользнул глазами по убогому наряду собеседницы.

– Эти услуги в основном окупаются выставками. Однажды нам пришлось продать старинную табакерку, и это надолго решило вопрос с оплатой поверенного.

– С Леонидом Аркадьевичем вас, вероятно, связывают более близкие отношения, чем с Владиславом?

– Если считать единицей отсчета наши отношения с Владиславом, то у меня даже с местным сторожем они более близкие, – съязвила Агнесса. – За последние две недели мы со сторожем беседовали чаще, чем с Владиславом за последние двадцать лет.

Любопытная семейка.

– А у Леонида Аркадьевича с Владиславом сложились отношения?

– Думаю, примерно так, как и у меня. Хотя дядя Леня в силу своей природной общительности интересовался им больше. Поздравлял с праздниками, иногда приглашал в гости – кажется, безуспешно. Сам Леня тоже у него бывал.

– Откуда вам это известно, если вы не общались с братом?

– Дядя Леня рассказывал. Звонил и отчитывался: «Вчера заезжал к Владиславу, у него все в порядке».

– Что ж, если вам больше нечего добавить, благодарю, что уделите мне время. – Капитан поднялся.

Не хочет Барановская откровенничать – не надо, обойдемся без нее. Вон сколько народа шныряет за кустами, и у каждого ушки на макушке.

– Добрый день, Дмитрий Гаврилович! – Капитан отыскал своего недавнего собеседника.

– А, господин полицейский! Здравия желаю. – Композитор устроился в пластиковом кресле у коттеджа. – А я вот новости просматриваю. Внучка планшет подарила, так я, извольте видеть, даже газеты перестал покупать: все здесь. А как ваше расследование? Нашли хулигана, который толкнул Владислава Юрьевича под поезд?

– Пока нет. Но ищем.

- А ко мне по какому вопросу? – Он сдвинул очки на кончик носа.
- Вы хорошо знакомы с семьей Барановских, вот я и понадеялся, что расскажете о них, – попросил капитан, присаживаясь на ступеньки коттеджа.
- Не согласен с формулировкой. Я знаю не семью, а о семье.
- Хорошо, пусть так.
- Семейей этих людей назвать сложно. Семья – это же не просто кровная связь, это еще душевная теплота, близость. У Барановских этого не было. Не стало после смерти Юрия Николаевича. Ольга Николаевна, мать Леонида, была женщиной сухой, она не смогла сплотить семью после смерти брата. Агнесса и Владислав – дети от разных браков и никогда не были близки. После смерти отца они, кажется, вообще не общались.
- Давно умер Юрий Барановский?
- Лет сорок назад, Агнесса и Владислав были еще детьми. И знаете, после его смерти как будто проклятие какое-то нашло на весь род.
- В каком же это смысле?
- В самом прямом. Юрий Барановский был популярным композитором и ярким человеком. Открытый дом, множество друзей, ученики, поклонники, семья, дети. Он дважды был женат, слыл дамским угодником, красиво ухаживал, защищал друзей, восстанавливал против себя недругов. У него была красивая, полноценная жизнь. Сестра Юрия Николаевича тоже была женщиной успешной, хотя и несколько в иной области – сделала карьеру по партийно-профсоюзной линии. Они с братом поддерживали близкие отношения, Юрий Николаевич всегда относился к племяннику как к сыну. Одним словом, это была дружная семья, но после его смерти все распалось. Бывшие жены Юрия Николаевича устроили свою жизнь. А вот его дети выросли какими-то, как бы сказать точнее... Неполноценными, что ли?
- Что вы имеете в виду? – нахмурился капитан.
- Видите ли, ни Владислав, ни Агнесса не унаследовали талант отца. Но дело даже не в этом. Оба они какие-то бледные, неживые. Замкнутые, неустроенные люди. Ни один не сумел продолжить род. Слава богу, хоть Леонида Аркадьевича не коснулся этот вирус вырождения. Энергичный, способный человек, открытый. У него трое детей от разных браков, вы в курсе? Младшая, Машенька, здесь часто бывала в детстве. Очаровательная особа, сейчас уже, конечно, совершенно взрослая. Но Агнесса и Владислав – безжизненные ветви некогда сильного родового дерева. – Композитор Никонов смягчил улыбкой излишнюю патетику этих слов.
- Скажите, как по-вашему, у Владислава Барановского могли быть враги?
- Я уже отметил, что плохо знаю это поколение Барановских. Владислав Юрьевич был замкнутым человеком. Нет, он, безусловно, был вежливым и хорошо воспитанным, несмотря ни на что. И как о преподавателе я слышал о нем только лучшие отзывы.
- Простите, что значит это «несмотря ни на что»? – заерзал капитан.
- Между нами: его мать никак нельзя назвать человеком нашего круга. Девушка из простой семьи, необразованная, манеры оставляют желать лучшего. Ее у нас не любили. После смерти Юрия Николаевича она здесь, собственно, и не появлялась.
- А мать Агнессы?
- Наталья Романовна? О, это была царственная дама. Прекрасно ее помню. Красавица, умница, кандидат наук. Сколько внутреннего достоинства, грации!.. Жаль, Агнесе Юрьевне не передалась ее красота.
- Говорите, после смерти Юрия Барановского его бывшие жены и дети не общались?
- Насколько мне известно – нет. Да и что их могло связывать? Обе, насколько я знаю, снова вышли замуж. А Владислав и Агнесса встретились только в консерватории. Оба учились у нас, Владислав Юрьевич одно время даже подавал определенные надежды. Увы, достигнуть успеха ему не позволило отсутствие смелости, внутренней свободы. Он предпочел остаться на кафедре в качестве преподавателя. – Дмитрий Гаврилович сделал рукой изящный жест.

– А как же коллекция? Агнесса Юрьевна говорила, что коллекция находится в совместном владении.

– На этот счет я, уж простите, сказать ничего не могу. Я был у Юрия Николаевича и видел это удивительное собрание, но что касается вопросов владения – это, простите, не ко мне.

– Дмитрий, пора принимать лекарства! – Из распахнутого окна выглянула пожилая дама с элегантной стрижкой.

– Иду, Лидушка. Прошу меня извинить, господин капитан.

Итак, из всего семейства один Леонид процветает, что, впрочем, и так очевидно, и у него единственного имеются наследники. Впрочем, алиби у него тоже имеется. Железное.

Глава 3

Лубаантун, Британский Гондурас, 1924 год

Николай набросил рубашку и вышел из палатки. Влажный густой туман тут же схватил его в объятия. Вид раскинувшихся до горизонта джунглей после четырех месяцев сидения в этой глуши вызвал у Николая глухое до тошноты раздражение. Он устал от этой мокрой жары – так устал, что временами казалось, что в мире уже не существует сухого тепла. Устал от шевелящейся агрессивной зелени джунглей, от наводящего тоску рыка ягуаров по ночам. От вечного напряжения и однообразия, от необходимости жить в замкнутом обществе. В состав экспедиции входили несколько белых и двадцать индейцев.

От англичан его тошнило. Анна, дочка Митчелл-Хеджеса, с которой он от скуки закрутил роман в самом начале экспедиции, ему порядком надоела. Она была скучна, чопорна, влюблена как кошка. С тех пор как ей исполнилось семнадцать, она почувствовала себя взрослой и все чаще стала заговаривать об их браке.

Ни о каком браке с Анной речи быть не могло. Николай вздохнул, отошел от палатки и лениво прошелся вдоль белых полотняных навесов к полевой кухне, где их «мистер дворецкий» Кук, почти кок, уже готовил нехитрый походный завтрак – ломтики солонины и яичница из яиц какой-то неведомой птицы. Не важно, главное, чтобы не змеиные. Фрукты в джунглях имелись в изобилии.

– Привет, Николас. Что так рано, не спится? – оторвался от стряпни Кук.

– Да. Кофе готов? – Он пристроился за простым струганым столом, от которого за версту несло англосаксонским педантизмом. В чем это выражалось – сказать было сложно. В последние недели Николаю стало казаться, что члены экспедиции – люди для него настолько чужие, что даже запах издают какой-то специфический, вызывающий отвращение.

Самое удивительное, что он знал точные день и час, когда это началось. В тот день Анна, сияя от восторга, извлекла из-под обломков сверкающий хрустальный череп. С тех пор неведомая сила буквально выталкивала его из джунглей.

А ведь в какой восторг поначалу приводила его эта экспедиция! Карибское море, путешествие через джунгли, яркий тропический лес, гортанные голоса индейцев, их угрюмые лица, пестрые пончо, необычные украшения, рев ягуара по ночам, даже эта нестерпимая влажность – все сулило открытия и доставляло радость.

К двадцати пяти годам Николай Иванович Барановский успел повидать многое. В шестнадцать лет, только-только окончив гимназический курс, он заболел тоской по дальним странам и сбежал из дома.

Вернуть его не смогли: он нанялся юнгой на английское торговое судно, в тот же день уехавшее из Петербурга в плавание. До Лондона, правда, не доплыл – сошел на берег в Амстердаме, поработал грузчиком в порту, а потом уже на французском судне отправился в плавание вокруг Европы и дальше по Средиземноморью в Африку. В Александрии он встретил одного состоятельного русского, такого же непоседу и авантюриста, как он сам, и нанялся к нему в секретари. С Александром Платоновичем они объездили Северную Африку и исколесили Ближний Восток. Потом благодетель и компаньон заболел и вынужден был вернуться на родину, а Николай Иванович пристал к семейству английского колониального чиновника и отправился в Индию. Года в стране йогов, заклинателей змей и буддийских храмов хватило – он нанялся матросом на английское пассажирское судно и вернулся в Европу.

Деньги, которые он скопил на службе у Александра Платоновича, подходили к концу, домой возвращаться не хотелось. Тогда-то он и познакомился с Митчелл-Хеджесом. Идея отправиться на раскопки в Центральную Америку его захватила. Еще через девять месяцев они высадились на песчаный берег Британского Гондураса.

Глядя, как Кук накрывает на стол, Николай снова почувствовал, что ему до смерти надоели авокадо вместо масла и гуава вместо яблок. Все эти волосатые и чешуйчатые, точно больные, фрукты не вызывают у него ничего, кроме отвращения. Он хочет свежего черного хлеба вместо сухарей, вареной картошки с соленым огурцом и солеными груздями. Он хочет щей, простых кислых щей. Хочет домой, в Петербург, заснеженный, заметенный порошей, освещенный подслеповатым желтым светом фонарей, залитый слепящим февральским солнцем, с искрящимися, как россыпь самоцветов, сугробами. Хочет слышать русскую речь, хочет обнять мать, вдохнуть запах ее волос. Николай почувствовал, как защемило сердце, даже погладил рукой грудь.

Лагерь понемногу просыпался. Николай допил кофе и, не желая встречаться с англосаксами, как он теперь в раздражении называл прочих членов экспедиции, собрался к себе. Вот-вот здесь появится вся компания: сам Фредерик Митчелл-Хеджес, его дочь, историк Джонатан Прайс, специалист по древним майя, и отставной майор Мартин Райт.

Конечно, он не успел. Холщовый полог откинулся, и Анна с улыбкой на вытянутом лошадином лице выскользнула наружу. И как только она могла показаться ему хорошенькой? Николай кивнул в знак приветствия и поспешил прочь. Появившийся следом Митчелл-Хеджес подозрительно взглянул на обоих. Надо же, боится за дочку, не привлекает его перспектива породниться с нищим русским авантюристом. Ничего, может не волноваться.

Работать категорически не хотелось. Николай улегся на походную кровать и уставился в потолок. Он плохо спал в последнее время, во сне и наяву его преследовали джунгли. Дебри спутанных лиан, поваленных стволов, тонких цепких зарослей. Он пробирался через них и не мог найти выход. Просыпался в холодном поту и снова проваливался в забытие.

Все началось первого января. Анна вскарабкалась на груды камней – это было опасно, они еще не полностью очистили от зарослей верхушку храма. В лучах закатного солнца что-то сияло. Она принялась торопливо разгребать завал. В небольшой нише под каменной плитой лежал абсолютно неповрежденный, без единой царапины или скола хрустальный череп.

Находка была потрясающей. Они бережно передавали череп из рук в руки, осматривали, восхищались. Ничего подобного в этом древнем городе, поглощенном джунглями, они и представить себе не могли.

А потом началось странное, и это почувствовали все. Все, кто заглянул в глаза хрустальному черепу. Митчелл-Хеджес сказал, что это один из тринадцати черепов богини смерти. Индейцы шарахались от него в благоговейном ужасе, стоило немалых трудов удержать их от бегства. Николая с тех пор не покидало предчувствие, что добром эта экспедиция не кончится. По крайней мере, для него.

Он повертелся еще немного на кровати, понял, что больше не уснет, и выбрался из палатки. Туман рассеялся, где-то в бездонной вышине парил орел. Над зеленым морем джунглей то и дело вспыхивали красные, желтые и синие искры – это взлетали попугаи. От орхидей на опушке исходил запах гниения.

Николай двинулся к холму.

Анна стояла среди обугленных стволов на скате пирамиды и с тревогой смотрела на Николая.

Он очень изменился в последнее время – из ласкового, веселого, чуть насмешливого превратился в холодного, колючего человека. Временами ей казалось, что он ее разлюбил. Или не любил вовсе? Основную часть жизни она провела с отцом в странствиях. У нее не было душевных друзей или наставницы, с которыми можно было бы поделиться и спросить совета. Главное – у нее не было матери, Фредерик Митчелл-Хеджес удочерил сироту в десятилетнем возрасте. С тех пор ее почти всегда окружали взрослые мужчины.

Когда она впервые увидела Николаса, такого стройного, высокого, с насмешливыми озорными глазами, он ей ужасно понравился. А когда он стал за ней ухаживать, Анна едва не умерла от счастья. Он увлечен ею, он даже признался ей в любви – еще в пути, на корабле.

Здесь, в глубине дикого леса, ей показалось, что они попали на заколдованный остров – он, она и никого вокруг. Почти никого. Папа, конечно, что-то заподозрил и был недоволен, но какое ей до этого дело? Она была современной девушкой, эмансипированной, как ее сверстницы в Европе, и могла сама определять собственное будущее. А ее будущее рядом с Николасом. Она даже готова ехать в его холодную страну, где сейчас происходит что-то невероятное. Революция! Она согласна вместе с ним окунуться в этот новый загадочный мир, испытать все тяготы, которые могут выпасть на его долю. В ее душе горел огонь первой романтической любви. Она грезилась Николасом, их будущим – и вдруг все переменялось. Он стал холоден, раздражителен, он теперь избегает ее.

Анна с болью смотрела, как он подходит к ним, стараясь не встретиться с ней взглядом.

Он споткнулся, и большой камень выскользнул из-под его сапога и с грохотом покатился вниз.

– Осторожней! – воскликнула она и тут же поймала недовольный взгляд отца.

– Николас, посмотри, что делают эти олухи на восточном склоне! – крикнул ему Митчелл-Хеджес. Вместе с Джонатаном руководитель экспедиции освобождал от осколков фрагмент какого-то барельефа.

Николай молча кивнул и повернул к восточному склону.

«Это все череп», – с тоской подумала Анна. Индейцы правы, на нем лежит проклятие. Все в экспедиции пошло шиворот-навыворот. Им всем снятся странные тревожные сны, все стало раздражительными и нервными. Наверное, нужно было послушать Кинича, их проводника и переводчика, и положить череп на место.

– Анна, помоги, не стой! – окликнул отец. Что ж, сердечные дела придется на время отложить.

Николай обошел склон, вскарабкался по крутому ребру пирамиды и немедленно ощутил трепет. Что-то манило его на вершину – что-то более сильное, чем инстинкт или жажда обогащения. От апатии не осталось и следа – Николай стремительно взлетел вверх и принялся вместе с индейцами разгребать завал.

Чем дольше он работал, тем больше захватывал его азарт. Он подгонял медлительных индейцев и сам работал так, что легкая полотняная рубаша стала мокрой от пота. Вот он, наконец, отвалил тяжелый плоский камень, похожий на обтесанную столешницу. Глаза резанул луч слепящего света. Николай прикрикнул на индейцев и сам, без посторонней помощи принялся откапывать находку. Но гортанные возбужденные крики не могли не долететь до уха Митчелл-Хеджеса, и вот его сухопарая фигура уже показалась над гребнем пирамиды.

– Николас, что-то нашел? Что-то ценное? – Нюх у старого лиса был отменный, врать бессмысленно. Впрочем, не прибеги он сейчас, его все равно пришлось бы позвать: все находки принадлежат ему как организатору и главе экспедиции. Николай подавил разочарование.

– Да, что-то есть. Помогите!

Митчелл-Хеджес в несколько прыжков преодолел разделяющие их метры и с жадностью стал вгрызаться в святая святых пирамиды. Приближаться к статуэтке, разбрасывающей золотые искры, сейчас, кроме него, не позволено никому.

Но вот завал расчищен. Митчелл-Хеджес уже протянул было трясущиеся от вожделения руки, как его немедленно остановил резкий окрик. Кинич с несколькими индейцами стал оттеснять его от заваленного камнями алтаря. Митчелл-Хеджес упирался, один из индейцев упал на колени и начал бить поклоны перед золотым истуканом. На шум сбежались все.

Золотая фигурка уродливого старика в пышном головном уборе из перьев и костей сверкала полированными гранями. Она казалась живой искрой, сияющей на вершине пирамиды. Жаркое февральское солнце ласкало ее и множило золотые отблески на серых камнях.

– Ах Пуч! – загомонили индейцы и бросились на колени. Николай закатил глаза. Да уж, у самого дремучего русского мужика не найдешь такого религиозного рвения, как у этих одичалых потомков великих майя.

Николай презрительно улыбнулся. Индейцы в самом деле на редкость пугливы и суеверны. Во всем им мерещатся дурные предзнаменования. Извольте видеть, теперь их до полусмерти напугал божок размером меньше атлетической гири.

– Они говорят, эта пирамида посвящена богу Ах Пучу, или Кисину. У майя это бог смерти и владыка последнего из подземных миров ада. Мы потревожили его покой, теперь жди беды, – мрачно объяснил Джонатан, не сводя глаз с Кинича и компании. – О, теперь еще выясняется, что, когда мы раскопали алтарь, кто-то слышал крик совы, а это священная птица Ах Пуча.

– И что это значит? – Анна дрожала. Она еще не забыла, какой ужас пережила десять дней назад, когда казалось, что индейцы прямо сейчас бросят их здесь одних. В тот день она нашла хрустальный череп, и в стане их помощников немедленно началась паника. Отцу с трудом удалось их успокоить. Пришлось прилично заплатить, чтобы они не сбежали и не перерезали белых господ.

– Теперь сюда придет смерть, – бросил Митчелл-Хеджес дочери. Его лицо, раздраженное, злое, в эту минуту и правда напоминало погребальную маску.

– За нами или за ними? – Анна чуть не сорвалась на крик.

– За тем, кто будет открывать рот и встревать не вовремя. – Когда дело касалось денег, а ценные находки и были, по существу, деньгами, фундаментом его будущего состояния, Митчелл-Хеджес становился невыносимо груб. – Не волнуйся, они помолятся, и все обойдется.

– А если не обойдется?

– Они требуют, чтобы мы немедленно покинули храм. Кинич и остальные проведут обряд по задабриванию богов. Кинич хочет послать кого-нибудь в деревню за жрецом, – пояснил Джонатан столпившимся членам экспедиции.

– Они требуют! – скривился Митчелл-Хеджес. Решительным жестом он отстранил Джонатана и вклинился в группу у алтаря. В центре этой группы несколько индейцев покрепче удерживали полупьяного Райта. Майор проклинал джунгли, их обитателей и богов и тянул руки к статуе. Было очевидно, что притронуться к Ах Пучу ему не дадут, и если нужно, индейцев не остановит даже перспектива убийства.

Джонатан уговаривал майора наплевать на проклятую статую и немедленно возвращаться в лагерь, но разъяренный Райт не желал прислушиваться к доводам рассудка.

Все решило вмешательство Николая. Он силой оттащил майора от алтаря и потянул за собой вниз по склону. Митчелл-Хеджес дал команду всем следовать за ними. На этой стадии конфликт действительно стоило замять.

Все вместе они дошли до лагеря. Индейцев успокоили – Митчелл-Хеджес сам не меньше часа заверял их в уважительном отношении к майяским божествам. Согласие на изучение статуи было получено.

Кинич с соплеменниками вернулись к пирамиде и провели все положенные обряды, после чего Митчелл-Хеджес с подчеркнутым почтением перенес божка в свою палатку и водрузил на стол. Индейцы с ворчанием удалились.

Ах Пуч был уродлив до безобразия. Мосластые конечности, раскрытый в злобном оскале рот, струпья и язвы, покрывающие тело.

– Это определенно Ах Пуч, – бормотал Митчелл-Хеджес с видом знатока. – Владыка Шибальбы – их царства мертвых.

Ни Митчелл-Хеджес, ни Анна, ни тем более майор не были специалистами по майяской истории. Николай уже достаточно времени провел в странствиях и многое повидал, чтобы понять, что вся их экспедиция не имела с наукой ничего общего. Их раскопки скорее напоминали мародерство. Митчелл-Хеджес вел поиски бессистемно, не делал записи, не изучал исторические слои. Он просто собирал все, что попадало под руку, в надежде сбыть находки как можно дороже. Единственным, кто мало-мальски разбирался в культуре древней цивилизации, был Джонатан. Он вел дневник раскопок, он же обеспечивал контакт с рабочими.

– Тяжелый. Вероятно, чистое золото. Потрясающе! – Митчелл-Хеджес засунул в рот любимую трубку и принялся бесцеремонно вертеть божка в руках. – Джонатан, бросай свои записки, отпразднуем грандиозную находку!

Николай сидел в стороне от стола и с кислой миной наблюдал за происходящим. Анна, сияющая, в платье и туфлях вместо всегдашних полотняных брюк и сапог, подлетела к нему.

– Это самая грандиозная находка после черепа! А может, и значительнее черепа! Папа ужасно рад! – Она заглядывала ему в глаза, и Николай, чтобы не обижать ее, выдавил улыбку. Радость Митчелл-Хеджеса трогала его мало.

В сущности, эта Анна была милой барышней и ничем не заслужила его пренебрежения. Просто ему вдруг все опостылело.

Он обнял ее за плечи и легко чмокнул в макушку. Анна зарделась и, мгновенно повеселев, поспешила к отцу.

Густая тьма накрыла лагерь. Далеко в вышине сверкали холодные звезды, а в палатке Митчелл-Хеджеса подмигивала им походная лампа. Они распили бутылку вина, которую шеф извлек из запасов, и теперь мирно коротали вечер.

Ах Пуч стоял посреди стола. Анна что-то рисовала в альбоме, Митчелл-Хеджес курил, любуясь находкой. Николай, Кук, Джонатан и Мартин Райт, пожилой, сильно пьющий отставной военный, которого Митчелл-Хеджес потащил в экспедицию то ли в качестве телохранителя, то ли ради услуги его жене, играли в вист. Почти семейная идиллия. Вот только мысли Николая этой мирной картине никак не соответствовали.

Чем дольше он смотрел на находку, свою находку, тем сильнее зрело в нем недовольство. Ради чего он работает в этой экспедиции? Слава? Деньги? С какой стати он терпит придирки Митчелл-Хеджеса? Три месяца сидения в джунглях – чего ради? Для собственного удовольствия, ради сомнительной страсти к новым впечатлениям? Никакой страсти Николай больше не испытывал, были только неудовлетворенность и необъяснимое раздражение. Его сердили абсолютно все – от добродушного весельчака Кука до ершистого майора. Больше всего его сердил сам Митчелл-Хеджес. Самодовольное вытянутое лицо и вечно висящая на губе трубка раздражали так, что минутах хотелось врезать ему кулаком в челюсть.

Что это с ним? Николай потряс головой. Заболел он, что ли? Или это проделки жрецов майя? Ни в какие проклятия он, естественно, не верил, но вот то, что эти хитрецы могли намазать божка какой-нибудь гадостью, которая воздействует на психику, вполне допускал. Он уже слышал, что индейские шаманы и знахари – большие мастера морочить людям головы с помощью трав и листьев; нужно только знать, что рвать.

Николай от природы был человеком добродушным. Подобные приступы раздражительности были ему совсем не свойственны.

Может, последовать примеру майора и напиться?

– Майор Райт, плесните и мне вашего бренди, будьте любезны.

Анна подняла голову от рисунка и с тревогой взглянула на него.

Следующего роббера Николай уже не помнил. Начав пить, он больше в этот вечер не останавливался.

Во сне уродливый костлявый старик рос, набухал, нависал над Николаем. У старика были налитые кровью глаза и пересохшие губы.

Проснулся он в холодном поту, полный дурных предчувствий. Пити больше не стоило.

Глава 4

Время превратилось в тягучий бесцветный поток, не стремительный, каким было всю его жизнь, а мутный, едва подвижный. Такое существование угнетало невероятно. Джунгли вызывали отвращение, каменные груды пирамид – глухую ненависть, товарищи по экспедиции... Николай повернулся на другой бок лицом к полотняной стене палатки, словно выражая своим видом отношение к этим самым товарищам.

Прошла неделя с тех пор, как он обнаружил под завалом золотого божка, и всю эту неделю Митчелл-Хеджес на все лады восхищался *своей величайшей находкой*. Николай пару раз шутливо напомнил, кому в действительности принадлежит честь открытия, но Митчелл-Хеджес делал вид, что не слышит. Каждый вечер он теперь запирает божка в железном ящике под кроватью.

Индейцы, заметив столь неуважительное отношение к Ах Пучу, роптали. На раскопе уже несколько раз случались опасные стычки, и Джонатану становилось все труднее договариваться с майя. Те упрямылись, огрызались, работали спустя рукава и грозили белым всяческими бедами.

Эта неделя принесла несколько мелких, но примечательных происшествий. Один из индейцев скатился с откоса и сломал ногу. Незаменимый добродушный Кук отравился – предположительно несвежей игуаной. В лагере поймали ядовитую змею – по мнению Джонатана, это была сурукуку, разновидность гадюк, очень ядовитая. К счастью, змею у палатки Митчелл-Хеджеса вовремя заметил один из индейцев и разрубил мачете. Ее появление было тотчас приписано проклятию, которое легло на осквернителей пирамиды. Индейцы потребовали от Митчелл-Хеджеса извлечь из сундука Ах Пуча и долго молились перед статуэткой, обильно поливая ее кровью. К счастью, не человеческой.

Анна в эти дни стала отвратительно плаксивой и назойливой. Она искала у него поддержки, но Николай, раздражительный и апатичный, определенно не годился сейчас на роль утешителя.

Сухари, мясо неизвестных тварей и фрукты с запахом гнильцы больше не лезли в горло. Николай стал задумываться об отъезде.

Разумеется, слово «отъезд» в их ситуации было не самым подходящим. Они находились в сердце тропического леса, до ближайшей деревни километры пути по джунглям, кишашим ядовитыми тварями. Нечего и думать соваться туда в одиночку – он заблудится, стоит ему отойти от лагеря метров на сто. Нужен проводник.

Еще недавно, когда Николай был бодр и весел, то есть был самим собой, у него сложились неплохие отношения с индейцами. В отличие от высокомерных англичан он не считал зазорным беседовать с ними, иногда угощал табакотом. Индейцы были необщительны, но падки на подарки, а Николай умел быть щедрым. Без всякой корысти, просто от природы.

Пожалуй, стоит подняться и дойти до пирамид. Он присмотрится к индейцам и выберет проводника, который согласится довести его до ближайшего города.

– Дорогая, Николас просто устал. Такое случается с людьми в непривычных условиях. И потом, ты забываешь, что он не один из нас, он иностранец. – Из соседней палатки доносился ленивый голос Митчелл-Хеджеса. – Я давно твержу, что Николас тебе не пара. Дело даже не в том, что он беден, состояние можно заработать. Но какое будущее вас ждет? Что у вас может быть общего, кроме этого леса?

– Мы можем поехать в Россию. Я с ним, – тихо, но решительно заявила Анна.

Николая это заявление ничуть не тронуло. Он пожал плечами и двинулся к высокой неряшливой глыбе, где копошились индейцы.

Митчелл-Хеджес уже неделю размышлял над подходящим названием для пирамиды, но пока ничего не придумал.

Рабочие ворочали камни и вырвали из тела пирамиды корни сгоревших деревьев, чтобы расчистить верхушку. Николай пристроился за толстым обгорелым стволом, откуда можно было наблюдать за площадкой.

На второй день он выбрал невысокого молодого индейца по имени Кааш. Он был задир, недоволен однообразной работой, побаивался проклятия и уже не раз вступал в стычки с Митчелл-Хеджесом. Подбить его на побег оказалось делом не сложным, оставалось дожидаться подходящего момента.

Теперь нужно было обеспечить запас воды и продовольствия. Он возьмет с собой золотого божка, документы, минимум вещей и, разумеется, деньги. Продавать золотого божка прямо здесь, в Британском Гондурасе, Николай не собирался. Для этого лучше отправиться в Американские Штаты – там достаточно не слишком щепетильных коллекционеров, готовых выложить за такую диковину круглую сумму. До Американских Штатов рукой подать, а оттуда можно будет сразу отплыть в Россию.

Именно туда, на родину, рвалось сердце. В последнее время оно болезненно сжималось при мысли о родителях и доме. Как они там? Что это за революция, о которой вопили европейские газеты? Что за Советы такие?

До сих пор он был почему-то совершенно спокоен за близких. У Николая были младший брат и старшая сестра, сейчас уже вполне взрослые люди, способные позаботиться о стариках. Что же касается революции, его семья, хотя и имела потомственное дворянство, всю жизнь трудилась на благо отечества. Дед был профессором университета, отец – инженером, мать окончила женские курсы и до замужества преподавала. Младший брат с детства мечтал стать врачом, наверное, сейчас он оканчивает учебу, может быть, уже и окончил. Тревожиться было не о чем: по сведениям, которые он черпал из газет, новая власть искореняла богатых промышленников и аристократов, родители ни к одной из этих категорий не принадлежали, и все же тревога за них не покидала. Нет, как можно скорее домой, в Россию. Но для этого нужны деньги, а их нет.

Николай всю жизнь считал себя человеком честным и, как бы трудно ни приходилось, никогда не опускался до кражи или обмана. Сейчас он почувствовал, что готов перейти эту грань. Совесть почему-то молчала, как будто одобряла недостойный план.

Золотого божка нашел он, а значит, он просто возьмет то, что принадлежит ему. А что до денег... Но, в конце концов, ему тоже полагается вознаграждение за каторжный труд, и вряд ли Митчелл-Хеджес готов расплатиться с ним по-честному.

Пить он себе больше не позволял, с Анной стал добр и внимателен, чем вызвал глухое раздражение ее отца.

Подготовка к побегу настолько захватила Николая, что он теперь не так болезненно реагировал на видения, преследующие его по ночам. Ах Пуч, джунгли, поземка в далеком Петербурге, какие-то темные тени в шинелях... Образы кружились в хороводе, пугали, изматывали, но, просыпаясь, он думал только о бегстве. Анна тоже жаловалась на сны – ей являлись картины прошлого Лубаантуна: жрецы на вершинах пирамид, кровавые жертвоприношения, дикие обряды. Митчелл-Хеджес давал ей какие-то капли, милый заботливый Кук пытался хоть как-то разнообразить пищу, майор простодушно предлагал выпить. Его тоже мучили кошмары, но он видел причину исключительно в качестве спиртного.

Один Митчелл-Хеджес пребывал в добром расположении духа – не иначе, подсчитывал барыши после продажи черепа и золотого божка. Прочие находки, пусть и интересные с точки зрения науки, особой прибыли не сулили.

Все изменилось, когда один из индейцев, возвращаясь в лагерь после работы, зацепился за какой-то стебель, упал, скатился со склона, напоролся на ядовитый шип и к вечеру скон-

чался в страшных мучениях, оглашая лес дикими криками. Его соплеменники выглядели уже скорее не злыми, а напуганными, без конца молились и трясли амулетами. Пока индеец бился в агонии, Анна сходила с ума от ужаса. Больше всего ее угнетала невозможность помочь страдальцу: никаких серьезных медикаментов у них не было. Митчелл-Хеджес был мрачнее тучи. Джонатан безостановочно твердил, что божка нужно вернуть на пирамиду. Майор пил, Кук раздавал всем успокоительные капли.

Индейцы, крайне возбужденные, не стали хоронить умершего собрата, что, впрочем, было бессмысленно, его тотчас бы откопали и съели хищники, а отнесли тело к храму в качестве жертвы.

Глубокой ночью они закончили свои обряды, и лагерь забылся тревожным сном.

Николай лежал, прислушиваясь к ночным шорохам и сонному дыханию джунглей. Казалось, что время застыло. Он едва дождался предрассветного часа, чтобы одеться и выйти из палатки. В тот же миг из редющей тьмы беззвучно возникла темная фигура Кааша. Николай вручил ему свой рюкзак и жестами велел ждать на опушке леса, а сам двинулся к палатке Митчелл-Хеджеса. Он был уверен, что тот крепко спит, потому что сам насыпал ему в вечерний чай двойную дозу снотворного. Англичанин был так возбужден, что не обратил внимания на странный вкус.

Оставалось забрать Ах Пуча. Накануне, видя беспокойство индейцев, Митчелл-Хеджес спрятал все ценности в сундук и надежно его запер. Потом они с Джонатаном пытались усмирить взбунтовавшихся рабочих, а Николай воспользовался всеобщей суетой, пробрался в палатку и стянул ключ из тайника. Забрать статуэтку сразу он не решился. Пропажа ключа – одно, а исчезновение Ах Пуча – совсем другое. Теперь оставалось открыть железный ящик и забрать находку.

Николай бесшумно вошел в палатку. Начальник экспедиции спал, раскинувшись на походной кровати. Лицо его нервно подергивалось во сне – видимо, Митчелл-Хеджеса тоже мучили кошмары. Николай опустил на колени, на ощупь вставил ключ в замок и достал завернутого в шелковый платок Ах Пуча. Теперь он ничего не боялся. Даже если кто-нибудь поднимет тревогу, они с Каашем успеют уйти. Митчелл-Хеджесу вряд ли удастся быстро снарядить погоню – если индейцы вообще захотят их преследовать. Без провожатых англичане, понятно, не станут лезть в джунгли. Оставалась еще опасность, что индейцы сами захотят их догнать, чтобы вернуть божка, но на этот случай у Николая имелся револьвер с тремя обоймами.

Вдвоем с Каашем они нырнули в непроглядную тьму джунглей.

Через полчаса взошло солнце. Теперь они могли продвигаться увереннее. Густые кроны, смыкающиеся далеко в вышине, почти не пропускали дневной свет. Глаза Николая с трудом привыкали к сумраку сельвы. Видно было не дальше чем на расстоянии десяти шагов. Что и как здесь мог разглядеть Кааш, оставалось загадкой.

Они взяли хороший темп и сейчас уверенно продвигались между гигантских стволов. Николай, ободренный отсутствием погони, повеселел.

Теперь он мог различить змеиные хвосты лиан, мхи и орхидеи, облепившие могучие стволы, и тропических исполинов, стоявших на корнях, как на пальцах. Были и совсем другие деревья – гладкие, лишенные сучьев, они опирались на корни, как на контрфорсы, и напоминали колонны готического собора. Яркими всполохами мелькали бабочки. Иногда высоко над головами раздавался гомон и сучья летели на землю – это стая обезьян перемещалась в поисках добычи. Стремительно, как выпущенный из пращи камень, проносилась гарпия, и тогда крики обезьян напоминали жалобу и долго не умолкали.

Птицы оглашали лес своими голосами, повсюду среди деревьев мелькали их яркие хвосты. Несколько раз перед глазами Николая пролетели большие пестрые ара. Черно-желтые тулканы показывались из чащи и снова скрывались. Маршировали муравьи-листорезы, жуки

с гудением сновали между деревьями. Квакали лягушки, временами кто-то шуршал среди листьев, легкий и невидимый.

Довольно быстро Николаю стало не до красот джунглей. Рубашка и брюки, заправленные в сапоги, напитались влагой и липли к телу, летающие твари норовили укусить – и это несмотря на то, что открытые участки тела он основательно протер уксусом.

Они были в пути уже шесть часов. Спину ломило, ноги гудели. Трехмесячное сидение на раскопе и отсутствие серьезных нагрузок сыграли с ним злую шутку. Рюкзак оттягивал плечи. Золотой божок оказался ношей отнюдь не легкой, а ведь приходилось тащить еще воду и продовольствие. Николай уже добрый час просил о привале, но индеец только пугливо оглядывался и тряс головой.

Еще час они пробирались через лохмотья папоротников. Яркие орхидеи давно перестали его занимать – зловоние этих цветов, любимых летучими мышами, теперь только раздражало. Свисающие корни и листья, которые били по лицу, цепляющиеся за ноги побеги – все как будто ополчилось против незваных гостей. Ноги заплетались, одежда промокла насквозь, в глазах стоял туман. Когда Николай уже готов был упасть на землю, его проводник решился, наконец, сделать привал.

Кааш натаскал ворох больших блестящих листьев, усадил его и дал напиток. Это помогло. Николай попытался объяснить, что в таком темпе двигаться не может, но провожатый настаивал, что надо идти быстро. Во всяком случае, он понял его именно так. Языком майя он не владел, изъясняться приходилось главным образом жестами.

Проклятое майяское отродье. Привал закончен, они снова в пути. Ноги еле двигались, спину ломило. Никакая погоня сейчас не заставила бы его идти быстрее. Теперь продвижение по джунглям превратилось в пытку. Москиты и прочая безымянная живность бросались на каждый миллиметр тела стаями. Укусы зудели, но притрагиваться к ним ни в коем случае было нельзя: самая незначительная ранка могла обернуться заражением крови. В сельве водились мухи, способные откладывать яйца в теле человека. Их личинки вылупливались под кожей жертвы и начинали поедать ее изнутри. Сухопутные пиявки норовили отыскать малейший незащищенный участок кожи, чтобы вонзиться в тело. А еще в джунглях было душно, воняло гнилью, и не было ни реки, ни ручейка, в которых можно ополоснуться.

Этому месту больше всего подошло бы слово «ад». Однажды подумав так, Николай уже не мог называть джунгли иначе. Ад. Ах Пуч, повелитель Шибальбы, или майяского ада. Он украл Ах Пуча и попал в ад. А кто виноват во всем – разве не этот идиот Кааш?

Николай понял, что сходит с ума от усталости. В голову пришла спасительная мысль о фляжке с бренди, которую он стянул у майора. Привалившись к серому, облепленному лианами стволу, он вынул флягу и приложился к ней. Как ни странно, в голове прояснилось. Он обтер лицо бренди и, с трудом оторвавшись от ствола, заставил себя шагать дальше.

Так прошел первый день пути. Потом был короткий ночной привал и еще один изматывающий переход через джунгли. Николай шел, стараясь ни о чем не думать и сосредоточиться только на том, чтобы вовремя уклоняться от шипов и колючек, не схватить змею вместо ветки и не провалиться в яму. Но избавиться от ощущения, что на них кто-то смотрит из-за ветвей, не удавалось.

Он даже спросил индейца, нет ли за ними погони, не притаились ли здесь, в чаще, его соплеменники? Или, может, ягуар крадется по их следам? Кааш внимательно прислушался, потом оставил его на какое-то время, но, вернувшись, заверил, что погони нет.

Идти стало еще тяжелее. Усталость накапливалась, москиты совершенно распоясались и норовили забиться в глаза, в нос, в рот. Большие попугаи, синие, красные, с пышными длинными хвостами, всколыхивали застоявшийся воздух.

Несколько раз им преграждали дорогу неглубокие мутные ручьи. Прежде чем ступить в воду, Кааш подолгу прощупывал палкой дно. Он объяснил, что в воде могут водиться пирании,

крокодилы и еще какие-то твари, названия которых он произносил, вытаращив глаза от ужаса. Николай тихо крестился: встретиться с крокодилом или анакондой не хотелось.

Теперь он все чаще спрашивал, долго ли им еще идти. Из объяснений индейца выходило, что от силы день. Но в его словах не хватало уверенности, и Николай начал нервничать.

Они шли и шли, а джунглям не было ни конца, ни края. Прошла еще ночь и еще день, а они все шли. Николай стал замечать, что Кааш все чаще останавливается, чтобы свериться с тропой, если так можно назвать направление, которое он выбрал. Николай был совершенно измотан, отчаянно злился и все чаще придирался к индейцу, уже не в силах сдерживать раздражение. Во всем виноват индеец!

– Ты снова сбился с дороги, идиот? – орал Николай без всякого стеснения. – Теперь ты вообще не знаешь куда идти, да? Безмозглая обезьяна!

Кааш плохо понимал по-английски, но о смысле сказанного, безусловно, догадывался. По глазам было видно, что он из последних сил терпит этого белого дьявола, который смеет оскорблять его, чистокровного майя, в его собственных лесах.

Лицо индейца мрачнело, он все чаще огрызался. Николай несколько присмирел и держал пистолет наготове. Оба устали, еды почти не было, привалы становились все длиннее. Наконец к ночи Кааш вынужден был признать, что они заблудились.

Зачем он только выбрал этого мальчишку, этого сопляка? Николай не замечал стекающих по щекам слез. Они сдохнут здесь вдвоем, и даже костей его никто не найдет. Макака краснорожая! Нужно было брать матерого следопыта вроде Кинича или уж сидеть в лагере – нищим, но живым. Зачем он подличал, зачем воровал? Николай вдруг вспомнил о деньгах, которые прихватил вместе с Ах Пучем из ящика Митчелл-Хеджеса, и впервые за эти дни испытал укор совести. Он смотрел в темноту на кроны ненавистных деревьев и думал, как ужасно будет сгинуть в этих дебрях, так и не повидав родных, не простившись с матерью, не попросив прощения у всех. Он плакал, чувствуя, как со слезами уходят последние силы, глотал стоящую комом в горле ненависть к безмозглому Каашу, пока не заснул крепким глубоким сном без кошмаров и сновидений. Как будто не уснул, а провалился на дно бездонного колодца.

Пробуждение было болезненным. Он с трудом разлепил глаза и несколько минут таращился в пустоту, прислушиваясь к ноющему телу. Болела каждая косточка, кожа зудела, живот сводило от голода. С скромные запасы продовольствия, которые он взял с собой, подошли к концу, а раздобыть пищу в глубине джунглей оказалось делом непростым. Кааш удовлетворялся тем, что находил, но Николай всерьез мучился от голода. Он с трудом повернулся на бок и поискал глазами проводника.

То, что он увидел, заставило его вскочить на ноги и забыть о собственном самочувствии. Кааш лежал с раскинутыми в стороны руками, весь в крови, и неподвижно смотрел в небо. Его грудная клетка была разворочена, внутренности выдернуты. Николай зажмурился от ужаса. Его била дрожь.

Стоило ему поднести к лицу руки, чтобы утереть пот, как он увидел, что они по локоть залиты кровью. Кровь впиталась в ткань рукавов, засохла на ладонях, забила под ногти. Он весь был забрызган кровью! Посреди поляны, измазанной кровью, стоял майяский бог. Николаю показалось, что Ах Пуч улыбается. Он упал без чувств.

Очнувшись, он заставил себя подняться на ноги. Снял окровавленную рубашку, кое-как умылся. Кааш научил его различать в сплетениях лиан безвредные водоносные стебли. Свое окровавленное сокровище он завернул в пончо Кааша и затолкал в рюкзак, потом прочел над мертвым телом короткую молитву и, не выбирая дороги, поспешил прочь от проклятого места.

Думать о том, что произошло ночью, он боялся. Сейчас он мог только бежать – бежать все быстрее, продираясь сквозь дебри, как будто так он мог убежать от случившегося. О том, куда он бежит и что будет дальше, Николай не думал.

Сколько прошло времени, он не знал. Пять часов, день, два? Несколько раз он терял сознание от усталости и голода. Теперь, когда с ним не было Кааша, о том, чтобы раздобыть хоть какую-то пищу, не могло быть и речи. Он брел сквозь ненавистные джунгли, хотя давно потерял веру в спасение, и не мог остановиться. Остановиться означало окончательно признать поражение, иначе говоря, умереть. Ноги заплетались, внимание притупилось, он брел, как пьяный, не понимая, куда идет. Иногда он пугался, что забывает наносить зарубки на деревья, и делал их слишком много. Эти зарубки он придумал, чтобы случайно не наткнуться на тело Кааша.

Он шел, волоча за собой рюкзак, а вокруг, сливаясь и кружась, мелькали стволы, мхи, листья, цветы, бабочки, попугаи. Наконец, все сдвинулось, как в калейдоскопе, поплыло, он стал оседать и полетел все ниже, ниже, пока не ударился головой о корень.

Глава 5

Николай медленно приходил в себя. Голова кружилась, затылок ломило, веки казались каменными. Он не в силах был оглядеться, не мог вспомнить, кто он, и эта потеря личности пугала больше всего.

Он с трудом унял сердцебиение и прислушался. Теперь он различал птиц, шорох листвы, тихие гортанные голоса. Николай не понимал язык, но все же он казался знакомым. Кое-как разлепив веки, он увидел над головой серый потолок. В дверном проеме показалась полоса пышной зелени и вытоптанной земли. Джунгли.

Теперь он вспомнил. Воспоминания обрушились, как лавина в горах. Он помнил раскопки, золотую статуэтку Ах Пуча, бегство, мертвого Кааша с вырванными внутренностями, измазанного кровью золотого божка, себя...

Николай прикрыл глаза. Здесь, где его жизни ничто не угрожает, в этом он был почему-то уверен, нужно было взять себя в руки и попытаться разобраться в случившемся. В джунглях он испытал такой ужас, что просто не в силах был ни о чем думать. Но теперь он должен понять. В теле была невероятная слабость, но мозг работал ясно.

В хижину, где он лежал, никто не заходил. Стоило воспользоваться покоем и одиночеством, чтобы ответить для начала на главный вопрос. Он убийца?

В ночь гибели индейца он впервые за время их блужданий спал глубоким сном. Не было боли, усталости, голода, moskitov. Но что тогда случилось с Каашем?

В джунглях они были одни. Если бы их нашли соплеменники Кааша, они, скорее, убили бы его, чужака. Если бы их нагнал Митчелл-Хеджес, он первым делом забрал бы статуэтку. Если на проводника напал зверь, Кааш должен был сопротивляться. Завязалась бы борьба, и Николай бы проснулся. Нет, зверь ни при чем: тело Кааша не было обглодано, оно было вскрыто ножом.

Внутренности индейца были разложены вокруг Ах Пуча, а сам божок залит кровью. Все это напоминало изощренные жертвоприношения, о которых им рассказывал Джонатан. Да, это было жертвоприношение, но кто совершил его в сердце джунглей? Ответ напрашивался сам собой.

Нет, это немыслимо. Невероятно. Николай вспомнил кровь на одежде, измазанные руки, лицо, сапоги. Он был похож на мясника с бойни, когда проснулся. Нет-нет, всему этому можно найти объяснение. Это химера, мистификация. Он не мог убить Кааша. А если он сделал это, не понимая, что творит? Злая сила овладела его телом и заставила совершить убийство. Николай содрогнулся.

Он лежал весь мокрый и пытался объяснять случившееся действием каких-то трав или цветов, той пищей, которой Кааш накормил его накануне. Он готов был ухватиться за любое мало-мальски правдоподобное объяснение. Единственное, на что у него не было сил, – взглянуть правде в глаза. Это он убил проводника. Он.

Нет! Он снова затряс головой. Все дело в Ах Пуче. Несколько дней с тех пор, как они вышли из лагеря, его преследовали одни и те же видения. Уродливый старик с кроваво-красными глазами требует от него жертвы. «Напои меня!»

Николай отмахивался от этих кошмаров, не придавал им значения, но, видно, индейцы на раскопе лучше знали своих богов. Недаром они приносили жертвы и исполняли обряды, недаром требовали от белых глупцов вернуть на место статуэтку. А он, жадный болван, украл ее! Сам подписал себе приговор! И когда силы и разум отказались ему служить, это чудовище завладело им и превратило в орудие убийства. Ужасно. Немыслимо. Невозможно!

Николай так заметался в гамаке, что едва не свалился. На шум вбежала молодая женщина с грудным ребенком, привязанным к матери большим ярким полотнищем. Она взглянула на него и выбежала прочь.

Следом за ней в хижину вошла старуха. Она подошла к нему, задрала твердыми и шершавыми, как кора дерева, пальцами ему веки, потрогала шею, что-то прошамкала беззубым ртом и, шаркая, поплелась прочь.

– Постойте! – спохватился Николай. – Где я? Сколько я здесь нахожусь? – Он хотел спросить еще многое, но от волнения растерялся.

Старуха с порога поманила кого-то, и в хижине появился молодой индеец. Рослый для майя, скуластый, волосы на затылке собраны в высокий хвост. Николай испугался. Что грозит ему, белому расхитителю пирамид, в этой глухой деревне? Явно ничего хорошего.

Молодой индеец поклонился старухе и спросил на ломаном английском, кто он и как попал в джунгли.

Если спрашивают об этом, значит, не знают о раскопках. Что ж, тем лучше.

– Я археолог, мы раскапывали город в джунглях. Мы с проводником хотели добраться до Сан-Педро, заблудились в джунглях, и он погиб.

Индеец перевел старухе его слова. Та нехорошо прищурилась и спросила, как давно они покинули свой лагерь.

– Пока был жив проводник, мы четыре дня блуждали по лесу. Сколько прошло потом – не знаю.

– Тебя нашли рядом с деревней. Ты был... – Индеец закатил глаза и показал, что Николай был без сознания. – Ты лежать здесь три дня. Она ухаживать за тобой.

– Спасибо. – Что ж, кажется, убивать его здесь не собираются. – А мои вещи?

Нет, Николай не боялся, что индейцы его ограбили. Ему было наплевать на документы, их можно восстановить, и деньги можно заработать. Больше всего его беспокоила судьба кровавого бога. От всей души он надеялся, что рюкзак потерялся, что индейцы забрали статуэтку и не пожелают ее отдавать. Надеялся и не верил в такое счастье. Внутренний голос с уверенностью твердил, что теперь он не избавится от этого проклятия никогда. Откуда он это знал, Николай и сам не мог сказать. Этот дар предвидения появился у него с того дня, как он заглянул в глаза хрустального черепа богини смерти.

Худшие опасения подтвердились: Ах Пуч был на месте. Индейцы даже не открывали его мешок.

Пришлось задрать вверх подбородок, чтобы сдержать слезы. Индейцы такое проявление слабости вряд ли бы поняли. Он сдержанно поблагодарил своих спасителей и еще раз спросил о Сан-Педро.

– Сан-Педро далеко. Надо ждать. Ты не дойти, – твердо сказал индеец.

Старуха дала ему какой-то пахучий отвар из глиняной плошки, и он снова уснул.

Николай стоял в номере дешевого отеля «Белиз» и смотрел в зеркало. За последние месяцы он постарел на несколько лет. Осунувшееся желтоватое лицо, седина в волосах, мелкие шрамы у виска, глубокие складки в уголках рта. Потухший взгляд.

Он устало опустил на жесткий гостиничный стул. Больше месяца он провел в индейской деревне. Старая Танкацу выхаживала его как младенца.

Когда он достаточно окреп и индейцы согласились вывести его из леса, она подошла к нему, положила ему на плечи загорелые почти до черноты руки и сказала:

– На тебе печать бога смерти. Служи ему или умрешь в муках. – Тацкат, молодой индеец, ее внук, перевел. Потом старуха наклонила к себе его голову и скрипучим шепотом добавила по-английски: – Ах Пуч. Береги.

Николай отшатнулся в ужасе. Но старуха уже зашаркала прочь босыми черными ступнями.

И вот теперь он сидел в номере отеля и ждал корабль в Соединенные Штаты. Корабль шел в Саванну. Николаю было все равно. Денег у него едва хватило на дорогу. О продаже Ах Пуча теперь не могло быть и речи.

За время плавания он надеялся достаточно окрепнуть, чтобы по прибытии в Штаты наняться матросом на корабль, идущий в Европу. Как никогда Николая тянуло на родину. Прочь от опостылевших джунглей, от влажной жары, от английской речи – от всего чужого.

За окном лило не переставая, и это была еще одна причина спешить с отъездом. В сезон дождей в Лубаантуне делать нечего, и Митчелл-Хеджес мог появиться в Белизе в любую минуту. Николаю хотелось избежать встречи. Было стыдно взглянуть в глаза товарищам, а еще он опасался, что Митчелл-Хеджес заявит в полицию. О дальнейшем не хотелось и думать. Оставалось считать часы до отхода корабля и глядеть сквозь серую завесу струй на пристань.

Николаю повезло: с Митчелл-Хеджесом они не встретились.

Пароход был небольшим, грязным, помимо двух пассажирских палуб, здесь имелся грузовой трюм. Публика подобралась разношерстная. Мелкие коммивояжеры, служащие компаний, у которых есть отделения в Британском Гондурасе, ревизоры американских банков, парочка артистов, инженер, едущий в отпуск с семьей. Первого класса на пароходе не было.

Мужчины в тесном салоне коротали время за картами. Николай в игре не участвовал. Во-первых, не было средств, во-вторых, он боялся Ах Пуча. Основное время он проводил в собственной тесной каюте, только ближе к ночи позволял себе прогуляться по пустой палубе. Дышать воздухом было необходимо. Николай все еще был слаб, прежние силы никак не хотели возвращаться. В ближайшем будущем ему предстоит тяжелым трудом добывать хлеб насущный, так что стоило воспользоваться короткой передышкой для восстановления сил. В одну из таких прогулок, приближаясь к правому борту, он услышал негромкие хриплые голоса и звуки возни.

Николай поспешил на шум. Двое пассажиров, обоих он отметил как заядлых игроков, сцепились в плотный клубок у самого борта.

– Отдай деньги, мерзавец! Глотку порву! – хрипел грузный тип с опухшим красным лицом и сизой щетиной.

Его противник, хоть и уступал в весе, но был более изворотлив.

– Врешь, теперь это мои баксы! – Он двинул небритого под ребра.

– Думаешь, я не видел, как ты вынул туза из рукава? Со мной этот номер не пройдет! Не вернешь по-хорошему – скажу капитану, чтобы выбросил тебя за борт акул кормить! – В ответ он получил крепкий удар в зубы, и оба снова покатались по палубе. Наконец, худой оседлал краснорожего, выхватил откуда-то нож и всадил его в поверженного врага по самую рукоятку.

Лицо Николая передернулось. Дальнейшее он помнил смутно. Он видел, как худощавый утер разбитый нос, воровато огляделся и, кряхтя, перевалил убитого за борт, не забыв для начала вытащить нож и бумажник.

Пока худой, свесившись через поручни, наблюдал, как мертвое тело врага погружается в пучину, Николай крадучись приблизился к нему, выхватил из его руки нож и вонзил его худому в спину раньше, чем тот успел развернуться.

Никаких чувств он не испытывал, движения его были быстрыми, но механическими. Он вытащил нож и отправил тело карточного жулика за борт, а перед этим совершенно хладнокровно обыскал убитого. Пухлую пачку долларов он без всякого зазрения совести сунул во внутренний карман пиджака.

В каюте Николай измазал золотого божка оставшейся на руках кровью. Судя по недоброй улыбке, тот был абсолютно счастлив.

Нож Николай выбрасывать не стал, только вытер его как следует полотенцем и спрятал в чемодан. Отчего-то он был уверен, что обыскивать его не станут, да и о пропавших пассажирах никто особенно горевать не будет – спишут со счетов, и дело с концом. На таких пароходах подобные истории не редкость.

Денег, которые столь недостойным образом попали ему в руки, с лихвой хватило на билет до Европы. Отсиживаясь в Саванне в ожидании парохода, он с ужасом думал о предстоящем путешествии. Целая неделя в компании кровожадного уродца – немыслимое испытание и риск. Николай чувствовал себя в ловушке, из которой не было выхода. Он твердо знал, что расставание с золотым Ах Пучем грозит ему мучительной смертью. Не мгновенной, как удар молнии, а медленной и страшной, связанной с позором и унижением.

Не одну неделю он промучился в поисках выхода. Перечитал все, что смог найти по истории и религии майя, даже списался с одним профессором из Северо-Восточного университета. Вывод был очевиден: Ах Пуч жаждет крови. Пока Николай малодушно оттягивал момент отплытия, он повадился ежедневно ходить на местную бойню. Дома он щедро поливал кровью золотого мучителя, и за все два месяца, проведенных в Саванне, ничего страшного с ним не произошло. Теперь, правда, мясники стали настороженно присматриваться к нему и, кажется, заподозрили в принадлежности к какой-то секте.

Путешествие прошло спокойно, запасов крови хватило. Через десять дней Николай сошел на французский берег. Показываться в Англии он боялся. Вдруг Митчелл-Хеджес раструбит в газетах, что русский член экспедиции, некто Барановский его бессовестно обокрал? То, что экспедиция уже вернулась к родным берегам, Николаю было известно из тех же газет. Пока не было сказано ни слова о золотом божке или о хрустальном черепе. Не исключено, что Митчелл-Хеджес решил утаить находку от тех, кто помогал снарядить экспедицию, а потом продать ее на аукционе или сбыть частному коллекционеру – если, конечно, до сих пор этого не сделал. О Николае забыли, сочли, должно быть, что он сгинул в джунглях вместе со статуэткой.

Однако рисковать все равно не стоило. Во французском порту его даже не досмотрели – вот удача! Таможенника, который проверял его багаж, отвлекли – в чемодане кого-то из американских туристов нашли незадекларированный груз.

Дальше до границ Советской России все было просто. Николай тихо и с комфортом добрался до Финляндии.

Пересечение финско-советской границы представлялось делом трудным, почти нереальным. По Европе о новой России ходили слухи самые ужасающие, и въехать туда было так же сложно, как и выехать. Николай провел в Турку около недели и успел послушаться разговоров. Всю эту неделю он обильно поливал Ах Пуча кровью – дошел даже до того, что пробрался в городскую больницу и там искупал ненавистного божка в баке с биологическими отходами. Нужно было победить тошноту и сделать это: его шанс вернуться на родину зависел от этого кровожадного уродца.

Никаких определенных правил для въезда в советское государство не существовало, но всякий прилично одетый и грамотно изъясняющийся человек вызывал у служителей новой власти подозрение. Известно было также об их исключительной жадности. Успех дела, по слухам, целиком зависел от размеров взятки и аппетитов чиновника, сидящего на таможне.

Средства, чтобы дать взятку, у Николая имелись. Пухлым кошельком он разжился еще на берлинском вокзале. Какой-то незадачливый бюргер поскользнулся, упал в лужу, ударился и беспомощно барахтался на платформе не в силах подняться. Проходящий мимо Николай остановился, чтобы помочь. Когда расстроенный, в безнадежно испорченном пальто немец подобрал свой багаж и испарился, в руках у Николая остался пухлый бумажник. Он сам не понял, как это случилось.

Деньги пришлились как нельзя кстати. Николай приобрел билет в мягкий вагон и под мерный стук колес долго размышлял о собственном неконтролируемом нравственном падении.

Промучившись почти до рассвета, он дал себе слово по возвращении в Петроград исповедаться, причаститься и встать на путь исправления.

Границу миновали успешно. Выручили немецкие марки и еще тот факт, что Николай покинул родину ребенком, ни в каких политических движениях не участвовал, в армии не служил, зато служил простым матросом и чернорабочим в порту и выглядел не как сытый барин, а как изможденный пролетарий.

Но сам он полагал, что дело вовсе не в его трудовой биографии. Дело было в Ах Пуче.

Глава 6

Санкт-Петербург, 2016 год

– Игорь Сергеевич, объясни, что у вас происходит с делом... – Полковник Тубасов перелистал бумаги на столе. – Вот, с делом Барановского. Почему не закрываете? Очевидно же, что это не убийство, а несчастный случай.

– Не согласен, – потряс головой Мирошкин. – Владелец ценной коллекции, трезвый, проблем со здоровьем нет. Не мог он сам по себе свалиться под электричку.

– Ерунда, – отмахнулся полковник. – У тебя на очереди еще три убийства, правда, не такие изысканные, художественной галереей не иллюстрированные. Заканчивай дурака валять и закрывай дело.

– Пожалуйста, дайте мне три дня. Если ничего не накопаю – закроем. Но все, Роман Петрович, за то, что Барановского убили. – Капитан достал платок – промокнуть лоб. – Просто и не изобретательно, и убили, само собой, из-за коллекции.

Полковник шумно втянул носом воздух. Сыщицкий инстинкт и природная добросовестность боролись в нем с желанием выслужиться перед начальством. А начальству, как известно, больше всего нравятся brave отчеты и позитивная статистика.

– Ладно, три дня, – нехотя согласился полковник. – Через три дня представишь мне убийцу с уликами, доказательствами и свидетелями.

– Роман Петрович!

– Все. Свободен.

– Излагайте, что удалось выяснить.

Настроение после общения с начальством было скверным. Никиту и Илью он с самого утра отправил в консерваторию и в Союз композиторов собрать сведения о покойном.

– Владислав Барановский был человеком замкнутым, нелюдимым...

– Это я раз сто и без вас слышал. Дальше.

– Но! Несколько лет назад был у него роман, – зачастил Илья. – Или не роман, а так... Влюбилась, словом, в него одна аспирантка, тихая такая мышка. Очень за ним ухаживала, и он вроде к ней интерес проявлял, но толку не вышло. Она окончила аспирантуру и отбыла восвояси, кажется, куда-то преподавать. Зовут Котлова Анна Алексеевна.

– Разыщи на всякий случай. Еще что?

– Агнесса Барановская, – перехватил инициативу Никита. – В вечер убийства была у себя в коттедже, ее видели гуляющие. Сидела у окна, работала. Но! Говорят, в Дом творчества к ней несколько раз приезжал какой-то молодой человек. Свидетельница предположила, что аспирант или студент, но коллеги Барановской, отдыхающие там же, утверждают, что таких аспирантов у них нет, студентов тем более. Да и староват он для студента, уже за тридцать. Надо бы выяснить, что за тип. И еще был один разговор, – усмехнулся Никита. – Некто Бурко, господин преклонных лет, был у кого-то в гостях, услышал, что я о Барановских расспрашиваю, – и тут же меня под локоток и в кусты. Так вот, он утверждает, что никакого согласия в этой семейке не было. С тех пор как умер папаша Агнессы и Владислава, все Барановские спали и видели, как бы захватить коллекцию в единоличное пользование. Друг с другом не общались, потому что ненавидели друг друга до судорог, особенно мамы Агнессы и Владислава. Еще, как я понял, по молодости лет Леонид Аркадьевич состоял в интимных отношениях с мамашей Владислава Барановского, той самой, что сейчас обретается в Израиле. И вроде как отношения были не бескорыстные: покойный композитор Юрий Барановский был обласкан властями, беспрепятственно выезжал за границу, даже в капстраны, а это по тем временам все равно что на Луну слетать. По слухам, сотрудничал с органами на добровольной основе.

– Если беспрепятственно выезжал, наверняка сотрудничал, – кивнул капитан.

– Вот. А как только этот композитор помер, все его жены и наследники сразу перегрызлись. Погодите, самое главное, – заторопился Никита, заметив, что капитан собирается его остановить. – Вы знали, что Юрия Барановского тоже убили, и именно в Репине? Бурко сказал, что тогда посадили какого-то жулика.

– Интересные сведения. – Капитан даже о кофе забыл. – Значит, так. Поднимите дело об убийстве Барановского-старшего – раз. Разыщите мать Агнессы и мать Владислава – два. Выясните все о семействе Леонида Каргина-Барановского, проверьте алиби всех членов семьи – три. Найдите молодого человека, который приезжал к Агнессе, – четыре. С юристом, который ведет дела коллекции, я сам свяжусь. Ясна задача? Приступайте.

– Митя, я в городе, сможешь приехать? – На блеклом лице Агнессы появилась нелепая кокетливая улыбка.

– Не сейчас, – придушенным голосом ответили на том конце. – Давай завтра с утра.

– Между прочим, еще только пять. – Теперь к кокетству примешивались нотки раздражения.

– Я обещал быть на даче не позже семи. Давай завтра в десять.

Агнесса молчала и громко дышала в трубку.

– Не дуйся. Ты прекрасно знаешь, что я человек не свободный и не могу вот так сорваться. Завтра в десять у тебя. – Он звонко чмокнул губами и отключился.

Агнесса осталась стоять с умолкнувшей трубкой. Ситуация была невыносимой. Она не привыкла ни от кого зависеть, никого ждать, упрасивать, ревновать. Да, она ревнует, самым прозаическим образом! В ее-то годы!

Она взглянула в зеркало: некрасивая, старая, с проседью в лохматых кудрях. Все правильно, именно ей и положено ревновать. С тех пор как в ее жизни появился Митя, Агнесса потеряла покой. Все переживания юности обрушились на нее, увядающую сорокадевятилетнюю женщину. Она ревновала, закатывала сцены, рыдала, хохотала как ненормальная и просто не могла им насытиться – жаждала его постоянно до потери рассудка. Удивительно, как она еще находила силы работать.

Это было невероятно, что молодой красивый мужчина сумел разглядеть ее красоту, никем за все годы не замеченную. Стоило Мите приласкать ее, согреть поцелуями, как нежность полилась на спасителя неиссякаемым потоком. Даже мать с отчимом и коллеги заметили, как сильно она вдруг переменялась. Пришлось взять себя в руки: объясняться с окружающими не хотелось, во всяком случае до полной определенности. Ох, настанет ли она, эта определенность?

Агнесса вздохнула и опустилась в кресло. У Мити семья, ребенок, финансовые неурядицы. Прежде чем уйти, он должен рассчитаться с кредитом за квартиру, это было необходимое условие.

– Агнесса, я порядочный человек, а не подлец из дамских романов, – сердито говорил он. – Это мой ребенок, я не собираюсь его бросать. Алименты я, разумеется, буду платить, но не мне тебе объяснять, как сложно одной растить ребенка. Должен же я им хотя бы квартиру оставить! Сам как-нибудь на другую заработаю. В конце концов, могу снимать.

Эти разговоры ее ужасно нервировали. Она категорически не желала, чтобы Митя что-то снимал. Он должен переехать к ней. У нее трехкомнатная квартира, пусть и несколько запущенная. А для кого ей было раньше создавать уют? Но главное – стены, ремонт она как-нибудь сделает.

Интересно, как часто Митя с женой занимается любовью? Агнесса не была наивна и прекрасно понимала, что без этого не обходится. Увы, понимание не избавляло от приступов ревности, так что, как она ни старалась держать себя в руках хотя бы в его присутствии, у них то и дело вспыхивали скандалы.

Вот и сейчас она почувствовала, как к горлу подступает обида. Она снова взглянула в зеркало. Нет, надо все-таки сходить в парикмахерскую, хоть волосы покрасить. В последнее время Агнесса приобрела несколько красивых шелковых комплектов белья и кое-что из одежды. Но она так боялась насмешек, что рисковала надевать это только дома, для Мити. Было страшно, что о романе кто-нибудь узнает и сочтет ее выжившей из ума развратной дурой.

Особенно больно будет, если у них с Митей разладится. Более конкретно эту мысль она формулировать боялась. Нет-нет, вот пусть он переедет к ней, и тогда она позволит себе все. Даже из консерватории уволится. Опостытели эти лживые лица, безупречная вежливость, смешки за спиной и «дружеское» участие. Она их всех с детства терпеть не могла. А куда деваться с ее скромными талантами?

Надо было в молодости никого не слушать и идти в бухгалтеры – с ее добросовестностью и усердием могло бы получиться. Но мать же голову просверлила: «Ты дочь Барановского, должна продолжить династию!» Продолжила, как же. На детях великих природа отдыхает – избито, но справедливо. И она, и Владька покойный были законченными бездарями.

Агнесса отпихнула замяукавшую под боком кошку. Кошку она любила, это было единственное близкое ей существо. С матерью настоящей близости не было никогда. Та была слишком красивой и по-женски счастливой, куда ей понять неудачницу дочку.

Интересно, Митя уже добрался до дачи? Как Агнесса ни старалась отвлечься, мысли о нем упрямо лезли в голову. Пока она сидит здесь одна, он там развлекается с семьей. Наверняка вечером будут все вместе сидеть за столом. Она видела фото его дочери – хорошенькая, похожа на папу. Агнесса не любила детей. Впрочем, до Мити она вообще никого не любила. Теперь она ужасно жалела, что не может родить Мите ребенка. Хоть мальчика. Хоть девочку. А как бы это было славно, если бы он играл с их ребенком, ласкал, брал на руки, – это было бы все равно, как если бы он ласкал Агнессу. У нее внутри все стянуло от желания родить, любить, ласкать маленькое существо. Тогда бы у них была настоящая семья. Увы, слишком поздно.

Мать предупреждала: не можешь выйти замуж – роди. Но до появления Мити ей не хотелось никого рожать, а теперь что ж.

Все, хватит травить себе душу, нужно чем-то заняться. Но из попыток сосредоточиться ничего не вышло. В голову лез Митя со своей женой.

Единственным утешительным событием за день оказалась встреча с Кони. Григорий Васильевич сам позвонил ей и объяснил, что, хотя наследственное дело уже заведено, в права собственности она сможет вступить только через полгода. Ей он посоветовал решить вопрос с охраной квартиры. Лучше всего будет, если Агнесса на время туда переедет. Кому достанется сама квартира, Кони почему-то не сказал. Наверное, просто не мог долго говорить, он же звонил из Америки. По правде говоря, переезжать в чужую квартиру Агнесе не хотелось даже временно, особенно сейчас, когда у них с Митей все так хрупко. И уж тем более не стоит этого делать до похорон.

Похороны откладывались. Ждали Ларису, та должна была прилететь из Израиля, но после известия о смерти сына у нее подскочило давление, и врачи запретили лететь в таком состоянии. Интересно, как она сейчас выглядит?

Агнесса в задумчивости достала из ящика стола сигареты и закурила. Отвратительная привычка, от которой она принципиально не желала избавляться. Во всяком случае, до недавнего времени. Митя не выносил запах табака. Вспомнив о Мите, Агнесса недовольно буркнула что-то себе и отправилась на балкон – курить и любоваться летними сумерками.

Дмитрий Решетников сидел за столом под тенистой яблоней и играл с дочкой в шахматы. Девочке было всего шесть, но она уже вполне сносно играла – вот что значит не обычный сад, а центр детского развития, куда ее водила жена.

– Дима, убирай доску, будем накрывать на стол. Никочка, иди помоги бабушке. – Обманчиво ласковый голос тещи его всегда раздражал.

Девочка, тряхнув темными завитушками, поспешила слезть со скамейки.

– Подожди, Никуся, нужно закончить партию. Через минуту мы закончим. – Он повернулся к теще.

– Конечно, я сама все сделаю, привыкла. Полине вечно некогда, ты тоже занят. А Никуся пусть играет, пока маленькая, потом уже отдыхать не придется.

– Ника обязательно вам поможет, – ровно ответил Дима. – И я тоже.

Тещу он не выносил. Если бы восемь лет назад у него хватило ума ближе познакомиться с Полиниными родителями, они, возможно, и не поженились бы.

Алла Яковлевна была властной, лицемерной и плаксивой особой. Она обожала совать нос в их с Полиной жизнь, хотела, как в детстве, контролировать каждый шаг дочери и даже Дмитрия пыталась подмять. В те первые три года брака, что они прожили с Полиниными родителями, она их едва не развела. Потом они, к счастью, смогли взять ипотеку и купили собственное жилье. Теперь с тещей они встречались только на даче. Увы, с ипотекой ни о каких поездках на море речи быть не могло – приходилось все лето сидеть на даче.

– Дима, а сыр ты мне не привез? Я просила «Маасдам». Забыл, да? Ничего, попрошу соседку – у нее зять почти каждый день приезжает, он купит.

Дима скрипнул зубами. Любимый тещин сыр он действительно забыл, зато купил Нике водяной пистолет, о котором она так мечтала. Пришлось, конечно, выслушать слезную речь о том, что бедный ребенок будет теперь с утра до вечера обливаться холодной водой и обязательно заболеет, а у нее и так аденоиды.

Он собрал шахматы, прихватил доску и, не дав втянуть себя в очередную перепалку, ушел в дом, подальше от греха. Он любит свежий воздух, ему нравится проводить время с дочкой, но завтра же с утра пораньше он уедет в город. Полина не обидится, она все понимает, и потом, нужно что-то решать с работой. Пару месяцев назад строительная фирма, в которой Дима трудился, приказала долго жить. Найти другую работу пока не получалось: кризис. Но ипотеку выплачивать надо, банку дела нет до твоих проблем – им лишь бы средства поступали вовремя.

А еще Агнесса. Но о ней в присутствии жены и ребенка он старался не думать – слишком велика вероятность ляпнуть что-нибудь не то. Конечно, он выкрутится, и все же не хотелось провоцировать подозрения.

– Папуля, я поехала! Буду поздно! – Маша Каргина-Барановская, миловидная, с длинными смолянными волосами по моде, заглянула к отцу в кабинет.

– Маша, что за вид? Куда ты собираешься? – Наряды дочери в последнее время его все-ррез беспокоили. Да, прекрасная фигура, но это же не повод оголяться до последней степени.

– Сначала в следственный комитет – с утра звонил какой-то капитан, просил зайти. Вечером, может, с девчонками в клуб сходим.

– В следственный комитет? Звонили? – Леонид Аркадьевич встрепенулся. – Это еще зачем? И как ты собираешься ехать туда в таком виде?

Маша рассмеялась. Папа сейчас был похож на раскудахтавшуюся наседку. Милый старый папуля!.. Поздние дети всегда не лучшим образом сказываются на психике родителей, а Маша была очень поздним ребенком. Папе было хорошо за сорок, когда она родилась, и вот они, последствия.

– Па, какая разница, как я одета? Я же не преступник, мне не нужно нравиться присяжным. И потом, это только с твоей точки зрения вызывающе, а для большей части населения совершенно прилично. – Она примирительно улыбнулась.

– Маша, но это же трусы, а не шорты! У тебя все ноги голые! И волосы, зачем ты красишься в этот черный цвет? Он тебе совершенно не идет.

Леонид Аркадьевич ворчал, прекрасно сознавая, что его слова не будут иметь никакого эффекта. Маше уже двадцать, она студентка психологического факультета – в консерваторию поступать она категорически отказалась. У нее есть права, машина, загранпаспорт, и каждый раз, когда он предпринимает попытку ее приструнить, дочь грозит немедленно выйти замуж. И этого вполне можно ожидать, учитывая, сколько у нее кавалеров и как часто она их меняет. Дочь была существом легкомысленным, избалованным и своевольным, и виноват в этом, разумеется, был он сам.

Леонид Аркадьевич попытался взять себя в руки и спокойно попросил:

– Маша, сделай одолжение, хотя бы в следственный комитет надень что-нибудь приличное.

– Папуля, расслабься. Сейчас все так одеваются, ты просто отстал от жизни. – Этот аргумент всегда повергал его в ступор. Пока он собирался с мыслями, Маша успела выпорхнуть за дверь.

Следственный комитет! Что им нужно от бедного ребенка? Она здесь при чем? Обеспокоенный Леонид Аркадьевич заметался по кабинету. Все дела были немедленно забыты. Нет, нужно срочно туда позвонить. Он поспешил в прихожую, достал портмоне и принялся судорожно рыться в поисках визитки. Еще и Кони как назло нет.

– Диана, это я. – Маша завела машину, запустила климат-контроль. – Да, еду к следователю. Понятия не имею. С отцом чуть припадок не случился, когда он узнал, куда меня вызывают. – Она уже вырулила из тесно заставленного машинами двора. – Не нужно вам туда приезжать, встретимся, как договорились, часа через два.

Какую бы легкомысленную особу она из себя ни строила, вызов в следственный комитет не мог не тревожить. Логика подсказывала, что дело о гибели Влада давно должны были закрыть. Но нет, настойчивые люди с цепкими взглядами продолжали расспрашивать обитателей Дома творчества в Репине, слонялись по консерватории, наносили визиты в Союз композиторов и не оставляли в покое родственников погибшего.

Что такое известно полиции, что от них никак не отстанут? Может, и к лучшему, что ее вызвали. Папа слишком эмоционально все воспринимает, а здесь нужны трезвая голова и определенная подготовка.

Маша усмехнулась. На психолога она пошла учиться по зову сердца. Она с детства умела манипулировать людьми, по существу, видела их насквозь и вовремя жала на нужные кнопки. Подкрепленные теорией практические навыки обещали в будущем неплохой результат. Маша не собиралась посвятить себя работе в школе или на производстве, нет, ее влекла карьера психоаналитика. Набрать клиентуру из скучающих состоятельных дур, выработать у них психологическую зависимость, умело воспользоваться информацией – и безбедное будущее обеспечено. В дальнейшем можно будет подобрать себе мужа из числа супругов собственных клиенток. Она заранее будет знать истинное финансовое положение кандидата, его характер, предпочтения, а значит, сумеет триумфально выстроить стратегию обольщения. Но это планы на будущее, а пока стоит заняться настоящим.

– Можно? Вы меня вызывали. Мария Каргина-Барановская. – Маша приветливо улыбнулась. Собственную открытость лучше продемонстрировать сразу, это помогает вызвать у собеседника ответную симпатию.

– Проходите, пожалуйста. – Навстречу поднялся еще достаточно молодой человек в светлом костюме.

Раз встал при ее появлении, значит, неплохо воспитан и не настроен враждовать. Или просто очень хитер. Маша устроилась у стола так, чтобы ее голые коленки оставались в зоне

видимости капитана. Соблазнять его она не собиралась, а вот использовать ноги для отвлечения внимания – это да.

Мария Каргина-Барановская капитану сразу приглянулась. Стройная, ухоженная. А ножки! Таких куколок допрашивать – сплошное удовольствие.

– Игорь Сергеевич, если не ошибаюсь? – Голос приятный, без тени жеманства. – Я вас слушаю.

– Видите ли, – капитан попытался оторваться от ног, покрытых золотистым заггаром, и сосредоточиться на лице свидетельницы, – я пригласил вас, чтобы выяснить, где вы были в ночь со второго на третье июля.

– Во время гибели Владислава? – Она немедленно расставила точки над «і». – Сейчас соображу. До трех часов ночи мы были в клубе. Закончилась сессия, и пока все не разъехались, мы решили отметить окончание семестра. Могу дать телефоны людей, которые меня там видели. Потом мы небольшой компанией поехали купаться, но не в Репино. Под утро я вернулась домой, как раз успела до возвращения папы. Он ужасно волнуется, если меня по ночам где-то носит.

Мирошкин понимающе кивнул.

– На самом деле даже представить жутко, что мы беззаботно веселились, когда бедный Владислав лежал уже на рельсах. Если честно, – она отбросила неуместную улыбку, – я все время представляю, как он падает под поезд и как его бедного... – Не договорив, она передернула плечами. – Проклятое воображение! Когда живешь в артистической семье, волей-неволей все это впитываешь. Творческие люди слишком эмоциональны, и фантазия у них развита сильнее, чем у прочих. Меня с пеленок таскали в музыкальную школу, на живопись, танцы и так далее. Дома вечные муки творчества. То папа страдает, то его приятели музыканты и композиторы забегут поплакаться. Вот, вам смешно, – она надула губки, – а я в этом живу.

– Должен отметить, что при столь непростой жизни вы превосходно выглядите, – не удержался капитан, но тут же одернул себя. Маша не без усилий проглотила самодовольную улыбку. – Расскажите, пожалуйста, о Владиславе Барановском.

– Да толком рассказать и нечего, мы же почти не общались. Не представляю, как ему удавалось выживать в совершенном одиночестве. – Она помолчала пару секунд. – Даже если оставить в стороне простую потребность в общении, есть сугубо практические моменты. Кто-то должен сходить в аптеку, когда человек болеет, приготовить еду... Владислав – извините, никогда не называла его дядей – со всем справлялся сам. Бывало, папа звонил ему узнать, как дела, и тот говорил, что болеет. Папа как всякий нормальный человек тут же предлагал привезти лекарства, продукты, но Владислав всегда отказывался. Я и дома у него была раза два за всю жизнь, не больше.

– Скажите, а его мать давно уехала из страны? Он сильно переживал ее отъезд? – Похоже, Владислав Барановский был типичным маменькиным сынком, привык отсиживаться за ее юбкой, а стоило мамочке уехать, и он потерялся.

– Лариса уехала лет пятнадцать назад с семьей своего второго мужа. Но и до ее отъезда они не были особо близки.

– В самом деле?

– Насколько я понимаю, они были довольно разные люди. Папа так всегда говорит, а он ее хорошо знал, они поддерживали отношения и до смерти дяди Юры, и после. А почему вас так интересуют характер Владислава и его детские травмы? К его смерти это же не имеет отношения?

– Да как вам сказать. Никогда не знаешь, какая мелочь имеет значение, а какая нет, – уклончиво ответил капитан.

Эта Мария ему понравилась. Открытая, симпатичная, за такой он бы с удовольствием поухаживал. Может, после окончания следствия? Хотя вряд ли она на него клюнет – староват и должность не та. Был бы топ-менеджером, тогда другое дело.

– Но я думала, что Владислав упал с платформы под электричку, – нахмурилась Маша. – Поэтому и в закрытом гробу будем хоронить.

– Так и есть.

– А зачем тогда вы меня вызвали?

Что ж, вопрос резонный.

– Дело в том, что пока не ясно, как именно он упал. Был ли это несчастный случай или... – Капитан замялся, не зная, стоит ли пугать это юное создание.

– Вы думаете, его толкнули? – Голос у нее внезапно сел.

– Не исключено. Именно это мы сейчас и проверяем.

– Но я все равно не понимаю, чем мои ответы могут вам помочь.

– Ваши слова, возможно, помогут найти человека, заинтересованного в смерти Владислава.

– Заинтересованного? Значит, вы думаете, его не случайно столкнул какой-то придурок? Иначе говоря, это было умышленное убийство? – Маша намеренно называла вещи своими именами. Ей как честному человеку бояться нечего и прятаться за размытыми формулировками не стоит. – Ничего себе.

Капитан уже пожалел о своих словах. Хотя папочка этой красотки далеко не дурак, Агнесса Барановская тоже. Наверняка они понимают, зачем полиция опрашивает свидетелей. Будь смерть Владислава Барановского несчастным случаем, давно бы оставили всех в покое.

– Так что вы думаете, Мария Леонидовна? Кому могла быть выгодна смерть вашего родственника?

– Так и напрашивается ответ: никому, – невесело усмехнулась Маша. – Но, наверное, это не совсем правда. Все-таки число владельцев коллекции уменьшилось на одного. Не знаю, честно, что это дает, поскольку ни папа, ни Агнесса все равно не позволят ничего продать, и все так и будет храниться в этой замшелой квартире на канале Грибоедова. Наверное, его смерть выгодна человеку, претендующему на его место на кафедре, – не знаю уж, кто именно о нем мечтает. Может, есть кто-то еще, кому его смерть выгодна, но мне об этом неизвестно. Если честно, и наше семейство ничего в этой ситуации не приобретает, только лишние хлопоты. Владислав был штатным хранителем коллекции, причем не требовал за это никакой зарплаты. Как быть с ней дальше – непонятно. – Она скривила губки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.